Литературно-художественное издание

Авторы XXI Века

Издательский проект ЛитКультa
2019

УДК 82.3
ББК 84
И 36

ISBN: 978-5-0050-0137-5

Отпечатано в ООО «Издательство Десятая Муза»
г. Саратов, Астраханская, 88.

Мир современной литературы очень разнообразен.
На нашей необъятной литературной планете можно найти авторов любых жанров и направлений. Их творчество по-своему оригинально.

Авторы XXI века ежедневно ищут себя через свои произведения. А читателям остаётся лишь отправиться в увлекательное путешествие по литературному миру наших авторов.

УДК 82.3
ББК 84

Адрес в сети Интернет:
http://litcult.ru/

© Авторы XXI века 2019
ISBN: 978-5-0050-0137-5
© ЛитКульт, 2019

СТИХИ

Светлана Дерягина

Сон

А ты мне сегодня приснился –
Из прошлого нежный привет.
Ты разве со мной не простился
В истории канувших лет?
Зачем обо мне ты подумал?
Зачем про меня вспоминал?
Во сне ты меня караулил,
Тайком от жены целовал...
Смешалося прошлое с явью,
Ты не был женатым в те дни.
Твой взгляд застилался печалью,
Что оба уже не одни...
Лицом всё моим любовался,
Как будто запомнить хотел.
То рук, то волос прикасался...
То на часы всё смотрел...
Ты был и родным и далёким...
Меня не хотел отпускать.
Но утро будильником громким
Смогло сон по-хамски прервать.

Прости

Прости, что иногда тебя ревную,
Что глупые вопросы задаю порой.
И даже то, что по тебе тоскую,
А заодно прости и этот стих мне мой.
Прости, что так к тебе я привязалась.
Прости, что чувства через край порой.
Прости, что я ночами оставалась.
Прости, что нарушала сон твой и покой.
Прости мне слезы, что пришлось увидеть,
За них сама себя я не могу простить.
Не думай, что ты мог меня обидеть,
Прости, но не могу, как просишь, дальше жить.
Прости, что я ещё жива в надежде,
Что ты приедешь, и мы встретимся опять.
Прости, что верю я тебе, как прежде.
Прости... Люблю! И с сердцем мне не совладать.
Прости за встречи, ласку, что дарила.
Прости за ссоры, что не обошли с тобой.
Прости, что где-то большего просила.
За все меня прости, пожалуйста, родной!

Любовь...

Любовь приходит, часто не спросив,
Хотим ли мы того – её прихода...
Лишь ощущением прилива сил...
Весной в душе в любое время года...
Любовь приходит, ждём её иль нет,
Она не спросит нашего совета.
Ей все равно, что скажем мы в ответ,
Нам не раскроет своего секрета.
Любовь придёт, как дождь после жары,
Раскрасит мир лишь яркими цветами.
Ты не поймёшь, как жил до той поры,
Ведь нам её не выразить словами.
Любовь придёт, когда к ней не готов,
Подарит крылья и в полет отправит.
Избавит нас от тяжести оков,
И все ошибки лишь она исправит.
Любовь пришла. И в дверь твою стучит.
Иль эту встречу омрачают слезы?
Ты слышишь?.. Её музыка звучит
Словами песен, и стихов, и прозы.
Любовь пришла, её не упусти,
Храни её и нежно обращайся,
Чтоб не смогла к другим она уйти.
И говори: «До встреч!», а не прощайся!
Любовь пришла, приходит иль придёт...
Неважно... непременно это будет.
И сквозь века она тебя найдёт.
Придёт... и в сердце нежно поцелует...

Разреши

Разреши мне тебя успокоить,
Просто быть сейчас рядом с тобой.
Разреши на груди мне устроить
Голову твою... дам я покой...
Буду ласково гладить я волос,
По лицу я рукой проведу...
Говори... буду слушать твой голос...
От тебя никуда не уйду...
Буду рядом, пока ты захочешь,
Буду нежность и ласку дарить.
Ты разлуку нам вскоре пророчишь...
Мне придётся тебя отпустить...
Только вряд ли меня ты забудешь,
Наши души ведь стали близки.
Ты с другой вспоминать меня будешь,
Так – как я... и про нежность руки...
Но сейчас разреши успокоить
И покой мне самой обрести.
Разреши же теперь мне устроить
Голову у тебя на груди...

Ночная гроза

На балконе стоишь и глядишь в темноту...
Ночной город объят весь грозою...
Озарит небо молнии свет черноту
Яркой вспышки манящей стрелою...
Тишину вдруг нарушит раскатами гром,
Оглашая округу мольбою...
Призывая весь город покинуть свой дом
В ночь, умытой от ливня слезою...
Воздух в ней полон свежести, бодрости, сил...
И, вдохнув, ощутишь ты их тоже...
На балконе стоишь... Ведь пейзаж захватил
Всю тебя... И мурашки по коже...
Любишь ты непогоду: и дождь, и грозу...
Заодно и стихия с тобою:
И предаст тебе силы, и смоет слезу,
Наполняя своей красотою...

Людмила Мазурик

Не сказанное

Пальцы в карманах ломала,
И целовать хотела в кровь
Словами счастье утекало.
В мире, где ты не ждёшь.

Я ниточку от сердца отрывала,
В аборт превращая любовь,
И с чувством ненужности тревожно засыпала,
В объятьях сжимая тебя вновь и вновь.

Уйти не слышно, раствориться в тишине,
Как наше счастье, словно шёпот нежный
С тобой летали в светлой вышине,
Теперь паденье не в объятия неизбежно...

Стихи, «очередные», «ни о чём»,
В сети, как в пустоте повисли...
Так глубоко вопрос «зачем?»
Лишать... друг... друга... жизни...

Вдыхай меня...

Вдыхай меня, как лёгкий шлейф духов,
Едва ли уловимый в дымке смога,
Окутавшего город пленом мрачных облаков,
Забвением пьяня людей немного.

Вдыхай меня. Я для тебя откроюсь,
Букетом исцеляюще звенящих нот.
В минуты жажды буду чистой росою
Свежим бризом прохладных вод.

Согрею теплом своей «пряной» души,
Когда окутает тебя вселенский холод.
Ты только мной глубоко дыши,
Что бы воздухом быть не нужен повод.

На асфальте пророс цветок

На асфальте пророс цветок,
Как ребёнок, рождённый в тюрьме.
Этот мир бывает жесток,
И так жаль неудачников мне

Смысл жизни между строк,
Голос мира в немой тишине
В нас проснётся пророк.
Не ищи старых истин в вине

Откровенье придёт,
И в презренье узнаешь, любя,
Голос дивных высот,
Что зовёт и волнует тебя

Проснись и смотри!!!

Проснись и смотри!!!
Как жизнь прекрасна
Любовь обними,
Ведь все не напрасно.
Веди её нежно,
Уверенным шагом.
Ведь это так важно
Любимым быть рядом

Брату

Светлый и добрый взгляд.
И лучезарная улыбка...
Да, это любимый брат,
Моя душа, моя кровинка.

На свете нет тебя родней.
Тебя я знаю, как себя,
И на душе становится теплей
От мысли, что ты есть у меня.

Верю в тебя мой брат!
Пусть исполняются мечты.
И этот Мир тебе только рад,
Ведь ты на правильном пути.

Но помни, только лишь с любимой,
Пройдёшь все трудности дорог.
И будет ваша жизнь счастливой,
Когда вы верите в одно

Моя осень

Буду ждать поцелуев осени...
Пряных, трепетных, пьянящих.
Осыпались лепестками в памяти
Дни счастливые, уходящие.

Шорохи засыпающего парка.
Шёпотом нарушать тишину.
Узнавать твоих движений пальцев,
В том, как ветер перебирает листву.

Буду ждать касаний осени...
Нежных,.. своей влажной щеки.
Узнавать в грустной задумчивости...
Тебя... И как мысли твои далеки...

Так ветер ласкает кожу

Так ветер ласкает кожу,
Тепло бетона по босым ногам…
И я люблю тебя жизнь тоже,
Бездарно тоске не отдам.

Я не сойду, хоть шатко мне,
Я просто с краю постою.
Пусть гулом жизнь напомнит о себе,
В висках по венам кровью…

Юлия Васильева

Волны

Сменяют друг друга восходы,
Дождям уступает зной.
Кончаются битвы, походы,
Слова обрастают молвой.

Сменяются Папы и боги…
И главы великих держав.
И своды законов строгих
Толпы перепишет нрав.

Возводят и рушат святыни,
Слагают легенды, чей век
Отмерян людскою гордыней,
Бездушьем, холодным как снег.

Лишь волны, извечные волны
Все небо куда-то несут.
И пересуд безмолвный
О душах бесстрастно ведут:

«Мелкие... Суетны... Грустные...»
Правда, как есть. Не в укор.
Берег нам – ложе Прокрустово,
Нам тихий прибой – приговор.

А ведь сами мы виноватые

А ведь сами мы виноватые:
Мы не тщательны. Мы – на «авось».
«Так сойдёт!» Будто подслеповатые,
Примиряемся жить вкривь и вкось.

Привыкаем смотреть сквозь пальцы
И спускаем неряшливость с рук.
От того мы извечно – страдальцы,
От того и порочен наш круг.

Сами яму копаем угрюмо,
Чтоб со дна вверх устало взирать.
О просторах мечтаем из трюма,
Но к штурвалу нельзя нас пускать.

Будет всюду на палубе мусор,
Тут и там будет в корпусе течь.
И пойдём мы неправильным курсом,
Выдав длинную бранную речь.

Обвиним судовую команду
В том что плохо и трудно живём.
Это правда. Но вот что досадно:
Мы из нас же опять изберём.

А неважно – как тебя зовут

А неважно – как тебя зовут.
И неважно – во что ты одет.
Те слова и вещи умрут
Через пару десятков лет.

Освежат перемены мир,
Станут вновь воевать и любить.
Машербрум* и Гангхар* покорим,
О тебе успев позабыть.

Так сейчас и живи и люби,
Как того пожелаешь сам.
Лучших дней ты своих не губи
И окно открой чудесам.

**По северной стене вершины Машербрум в Пакистане никто ещё не смог подняться по причине объективной опасности маршрута.*

**Вершина Гангкхар не покорена по причине запрета властей Бутана на альпинизм в целях защиты религиозных убеждений местных жителей.*

И вечер особенно синий

И вечер особенно синий,
Когда ты снова в строю.
И думаешь: будет отныне
Так, как *я* говорю.

Мимо пройдёт ненастье,
На гребне поднимет волна.
Есть в этой жизни счастье!
Мила вновь родная страна!

Воздух имеет запах:
Дождиком пахнет он.
Планета на мягких лапах
Кружима пушистым котом.

Наступит хорошее завтра:
Там всё на своих местах.
Поменьше читайте Сартра,
Пишите на белых листах.

Водоворот событий
Закружит вас в танго вновь.
Вы только не слишком спешите:
Спешка изводит любовь.

Не думайте много – дышите.
Смотрите во все глаза!
Зовите! Езжайте! Живите!
Как можно и как нельзя.

Улыбка

Как много вокруг хорошего!
Ну, оглянись. Давай же!
Улыбка, нечаянно брошенная,
Это не слово даже.
Это что-то ну очень светлое!
Что-то намного большее:
Душа, на крючок поддетая,
Из водной наружу толщи.
Душа, как струна задетая,
В доме, где жили молча.
Вдруг ослеплённая!
Вдруг оглушённая!
Воздухом. Звуком.
Яркости смерчем.
К любви возрождённая,
Небом прощённая.
Заново вечная.

Лариса Носенко

Разлив

Змеёй ползучей, длинной ручейки,
Уносят грязь снегов в реку. Остатки.
С течением льдинки, чудо-островки,
С своей судьбой играют в прятки.

Весенний паводок смывает многое собой:
И радость дней былых, и слезы.
Уничтожает разгулявшейся водой:
Печаль, любовь, смятения и грёзы.

Страх навевает полноводная река!
Навечно, будто, слабых забирая!
И где же лица, рядом шедшие всегда?
И снова взрывы газа вспоминаю!

Тревожит, каркая о чем-то воронье.
Течением играет, словно пантомимы.
Мы все когда-нибудь уйдём в небытие,
Весна другим подарит яркие картины.

Как зеркало веков, вздымая берега,
Хвастливо мощь и власть свою покажет.
Вновь солнце оживит природы острога,
К растущему началу путь укажет.

Вербное воскресенье

Сегодня, в воскресенье, мы в церковь поспешим,
В день этот – наш Спаситель вошёл в Иерусалим.
Помолимся. Священник в знак вербу окропит.
Пусть веточка простая украсит дома вид!

Как символ новой жизни, дыхание весны,
К заветам православных с былых времён верны.
Успех, добро, здоровье в жилище принесёт,
Пусть ароматом дивным в мир светлый позовёт!

Наполнит благодатью часы святого дня,
И озарит любовью и счастьем бытия.
Поднимет настроение, изменит жизни круг,
Запрет земным заботам наложит на досуг.

Перед страстной неделей Великого поста,
С особенным волнением всем все простит душа.
Смотрю с благоговеньем в высоты куполов,
И чту обычай этот из глубины веков.

Все бывает в этой жизни – встречи, расставания

Все бывает в этой жизни – встречи, расставания,
В юности беспечной – первые свидания.
Шаловливый звук гитары – стоит ли корить?
Первая влюблённость – как же ей не быть!

Стёрла память поцелуи, липких рук касание,
В летних зорях растворились порохом желания.
Чувства превратились в дымку, в скошенные травы,
И не жалко, что со мною был ты для забавы.

В ночь огонь не разгорелся – слабым был костёр.
Носит ветер, без раздумий, лишь остатки спор.
Без тепла, ухода, ласки – не пророс росток,
Все былое превратилось в каменный цветок.

Не дано судьбой, далёкий, быть с тобою – квоты.
Не построили умело мы из воска – соты.
Где гуляли до рассвета, стёрся запах встреч,
Увлечение друг другом не смогли сберечь.

Помнит все душа-голубка, только не болит.
Время боль замуровало в мраморный гранит.
Не ищу в толпе глазами – среди встречных лиц,
Лишь одни воспоминания – всполохом зарниц.

Россия ненаглядная

Россия ненаглядная, родная сторона!
Любовь с годами множится и чувствами полна.
К берёзкам и полям твоим тянусь простой душой,
Просторов необъятных ширь зовёт гулять с собой.

В тебе я точка малая – всегда буду верна!
Так много испытавшая: измены, вздор, война,
Клинком не в шутку трогали – шли люди смело в бой.
Красу ломали строгую картечью огневой.

Но все перетерпевшая, не сломлена – страна!
По-прежнему великая, среди других видна.
Прославлена озёрами, Алтайскою водой,
Не страшен людям русским Сибири холод злой.

Горжусь! Ты в вечном тонусе! Натянута струна!
Совсем не молодая стать фигурою стройна!
Вновь удивишь величием и сказкою лесной,
Как встарь, дружишь с Купалою и Богом Колядой.

Тверда, в себе уверена, как молодость – сильна!
Поддержат, став опорою, героев имена.
Красавица и в летний зной, и снежною зимой.
Молюсь, благословенная, за мир твой и покой.

Бегемоты

На континенте Африка, воды набравши в рот,
По соседству с крокодилом проживает бегемот.
Прячется в реке уныло, в глубине своих обид,
И скрывает постоянно неприглядный внешний вид.

Пасть ужасно открывает, и зубов его не счесть!
Чтоб желудок свой наполнить, он все время хочет есть!
Сам огромный, весит тонны и большая голова.
Нет сомнений, сразу может – проглотить со счета два.

Безобразный этот хищник, ночью кушает траву,
От безделья днём страдает, ищет жертву на беду.
Все животные боятся – нападает на людей!
Не приносит много счастья, не хороших новостей.

Бегемотов стало мало – держатся одной семьёй,
И детёныши родятся все в родителей собой,
Но в душе их много грусти о судьбе своей такой!
Почему же их природа обделила красотой?

Максим Колесников

Револьвер

Давно не брал ты в руки револьвер,
Так заряди в него слова-патроны
И жестом столь привычным и знакомым
Отправь в полет души своей ампер:

Молчанье в сотни мёртвых децибел
До оглушающего мысли звона
Свирепый выстрел разобьёт, – и снова
Твой мир накроет град безумных стрел;

Иди вперёд, коль все-таки посмел
Рвануть сквозь стены будней на свободу
И вырвал у судьбы из рук колоду,
Оставив страх проклятый не у дел;

И пусть потёртый плащ давно не бел, –
Себя не предавал в угоду судьям,
Дыши же и сейчас ты полной грудью,
В недобрый час сжимая верный револьвер.

Память

Все, что было – не зачеркнуть,
Оглянись на пройдённый путь:
Вспомни чем жил и дышал,
Где улыбка, где волчий оскал.
Истина – яркий цветок среди скал, –
Так говорил старик-аксакал...

Отыщи её средь серых камней,
Ночью дворянин, а утром – плебей!
Не забудь удары сотни плетей,
Что добряк – это вчерашний злодей;
Где проклятье, а где судьба,
В гладиатора как превращают раба,
Что под троном часто сокрыта дыба,
А дворца милее родная изба!

Веришь, крылатой родилась душа?
Памятной тропкой иди, не спеша:
Это твой клад, богач без гроша,
Последний патрон твоего «калаша»;
Нерушимый оплот в тёмные дни,
Его до последнего вздоха храни...

Праведник

Где война распускается красным цветком,
Разрывая границы заветов,
Жизнь людей обращается мелким песком
На подошвах «зелёных беретов».

Мерзость и грязь поднимая со дна,
Хаос разбивает привычность рутины;
Огнём выжигая веру дотла,
Боли поток прорывает плотину.

Но посреди кровавой зимы
Как подснежник в белой пустыне,
Не посланник небес, такой же, как мы,
Праведник встанет, бездушье отринет.

Шаг за шагом ломая замкнутый круг,
Равнодушьем смертельным не болен,
Он идёт, не страшась обещанных мук,
Добротою своею неволен.

Пусть он наивен, но все же не зря
Бродит упорно по серому аду,
И среди пепла настанет заря,
Жизни опять начиная балладу.

Дай мне, милая, в руки огонь...

(Посвящается Даше Р.)

Дай мне, милая, в руки огонь,
Как лекарство от старой печали
И слова о прекрасном начале,
Как надежду о близком причале,
Положи его прямо в ладонь.

Напои меня сладкой весной,
Словно воздухом чистым город,
Как булатом кузнечный молот,
Будто книгой духовный голод,
Разразись над пустыней грозой.

Обогрей меня чистой душой:
Вера в чудо ещё не изжита,
Благосклонной же будь, Афродита,
Дай пройти тропой неизбитой,
Освещённой нездешней луной.

Утренний Тель-Авив

Усталый город забывается в тиши,
Туманным сном объяты небоскрёбы,
И ветер шелестит без всякой злобы,
Все замерло в спокойствии утробы,
И даже время больше не спешит.

Волшебны предрассветные часы:
Застывшие асфальтовые реки,
Машины, позабывшие о беге,
И даже краны подчинились неге,
Весь мир укутан мантией росы.

Но тьму срывают первые лучи,
И день рождается с мечтой о чуде,
А сонный город заполняют люди;
В привычной суете он позабудет
Покой, подаренный в ночи.

Анна Курова

Белая комната. Белые стены

Белая комната. Белые стены.
Белые полосы на гобеленах.
Белая ваза на белом столе.
Белые ночи при белой луне.

Белая штора колышется ветром,
Белые руки сплетаются крепко.
Белая кровь, точно лёд холодна.
Белой струной в волосах седина.

Белая клякса на белой бумаге.
Белым огнём распускаются маки.
Белые лилии. Белые сны.
Белые дни в ожиданьи весны.

Белого шума неясные звуки.
Белого мира предсмертные муки.
Белая женщина в трепетной мгле
Вдаль указует безмолвно тебе.

Силюсь понять я отчаянно, где мы.
Белая комната. Мягкие стены.
Кажется, я позабыла сама,
Как месяцами сходила с ума.

Чаепитие

Вечереет. Кухня обычной забытой сталинки.
Так не вовремя встали ходики на стене.
Перед гостем стоит сервиз из фарфора, старенький,
Что свекровью когда-то на свадьбу подарен мне.

На столе, безусловно, скатерть накрахмалена,
На окне между фикусов уютно улёгся кот.
Вот бы знать мне наверняка, кем друг другу стали мы,
Пока методично сменяли друг друга за годом год.

Чай с бергамотом давно уж разлит по чашкам.
Чайник с заваркой так близко к краю, надеюсь, не упадёт!
А у гостя, представьте, все те же, как встарь, замашки,
Только молодость это, увы, уж ни мне, ни ему не вернёт.

«Может, сахару? Нет? Подождите, тогда принесу варенье!»
И мгновенно я уж с банкой литровой в руках перед ним хлопочу.
Изменилось ли что-то, хоть что-то в его поведении?
Ах, зачем он сегодня пришёл? Даже видеть его не хочу!

Что же с крышкой, никак не даётся, что же…
«Дайте мне», – предложил мне помочь мой проклятый гость.
Да… Однако, вот это все так на него похоже!
Совладать со строптивою крышкой в два счета ему удалось.

И за чаем остывшим опять полились беседы.
Как работа? Как жизнь? Что ещё приключилось с тобой?
У него, как у всех, были радости, и порою случались беды.
И его, как и всех, кто-то, вечером ждал домой.

Ах, вот если б не этот сервиз, и не ходики, и эти фикусы с кошкой
Я б непременно все бросила, я бы ушла с тобой!
Ну, постой! Подожди! Подожди меня, хоть немножечко!
Ах, торопишься… Что ж, хоть конфеты в дорогу возьми с собой.

Вместе с ним проводила я и этот день осенний,
Дверь за ними закрыв в своё сердце, теперь уж, боюсь, навсегда.
Надо ходики завести. Муж опять на рабочей смене.
Нужно снова свыкаться с мыслью, что я одна.

В поезде

Куда-то мчатся поезда,
Несчётные вагоны, и
В них едем снова в города,
Доселе незнакомые.

Бегут пейзажи за окном,
Дорога лентой стелется,
И в стекла мутные тайком
Глядит на нас метелица

А впереди – миллионы шпал,
И пассажиров яркий шквал,
Вокзалы, станции, перроны,
Равнины, реки, горы, склоны,

Фазенды, села, целый мир!
Но где ж заветный ориентир,
Где наша цель и назначенье?
Известно только провиденью.

Под мерный, громкий стук колёс
Проспали до конечной.
Куда же случай нас занёс
Той ночью скоротечной?

Вдруг голос диктора возник:
«Наш поезд следует в тупик»
Ну, что же, нужно отдохнуть,
Ведь ждёт обратный долгий путь.

По прочтении Гюго

«Последний день приговорённого к смерти»

Кто я? Предатель, иль убийца,
Как смог я оступиться так,
Что должен с жизнию проститься
Позорно, пред толпой зевак?

Каким же было злодеянье,
Что должен я три сотни дней
Гнить здесь, в тревожном ожиданьи,
За сотней запертых дверей?

Чем я прогневал провиденье,
Что я, живой, по сути, труп,
Уж год почти здесь, в подземелье
Все корчусь от предсмертных мук?

Я чётко вижу, каким будет
Самый последний мой позор,
Как с любопытством смотрят люди,
Как девушки отводят взор,

Я вижу лезвие над шеей,
Я слышу свой предсмертный крик...
Каким я должен быть злодеем,
Чтоб заслужить подобный миг!

Что там? Я слышу звук знакомый,
Как леденящий душу вой...
Я знаю, это скрип засовов.
О, страшный миг! Пришли за мной…

Екатерина Семенова

Маленький принц

космос бескрайний. вселенная странная эта.
маленький принц – есть душа,
сердце – планета.

роза – то самое чувство, что вспыхнуло ярко.

лис – это друг навсегда.

в пустыне не так уж и жарко,
если змеиным укусом, наполненным ядом,
тело повержено вмиг.

голос
рядом.

он так звучит, будто песня с далёкого где-то.
маленький принц – есть душа,
сердце – планета.

Воскреснем? погибнем? умрём?

воскреснем? погибнем? умрём?
вопросы нам голову кружат.
но души, что рвутся наружу...
им тело земное не нужно,
им хочется вылететь в стужу
морозным заснеженным днём.

живём? выживаем? живём?
ответы на наши вопросы,
казалось, найти очень просто,
но только шипы правды розы
заставят очнуться от грёзы:
живём?..

выживаем.
умрём.

Рыжее солнце

солнце, ты чувствуешь холод вокруг?
вакуум космоса, солнце, и даль расстояний?
так ли привычно тебе молчать в пустоту,
слушая эхо, но чьих-то минорных страданий?

солнце, никто не подумает, что
солнца сияют так сильно, лишь перегорая.
солнце, ведь правда, никто не подумает, что
ты не взойдёшь, горизонт избегая по краю.

очи закрой, колыбельную в уши, снотворное в чай.
эти слова, словно прочная тонкая нить:
солнце, ты, кажется, просто устало. послушай...
рыжее солнце, ты просто устало светить.

Строка рождается за следующей строкой

строка рождается за следующей строкой.
за теми третьи, пятые, восьмые.
они то говорят, то словно волчий вой
на полную луну взлетают над пустыней

больших огромных страшных городов,
в которых свет из окон заменяет звёзды.
то, скидывая тяжести оков,
бегут под ливень слушать грохот грозный

и чувствовать, как больно бьёт вода,
то тонут в ней, держась за чёрный якорь.
но следом вновь появится строка,
лишь за последней мыслей грязь и слякоть.

Строй

строй непрочитанных книг на комоде
временно без изменений. работа.
строй у гитары, рояля и скрипки,
старого стула открученной спинки.
в строй приведи без стрелки будильник.
время. в буханке хлеба напильник.
строй и устои, шаблоны рви смело.
строй, по кирпичику строй своё дело.
мало лишь думать. фонарь. вечерело.

Осень

до хрипа не срывая голос,
без криков и истерик осень
дождями говорит и греет
луч солнечный о батареи.

и листья в золотой и красный
искусно, не жалея красок,
расписывает осень.

рдеют
картины под ногами.

тлеют.

устав от безразличья, осень
почувствовала зимний холод,
забросив краски, руки греет
о кружки с чаем

и батареи.

Ирина Вишневская

Мы – дети восьмидесятых

Мы – дети восьмидесятых,
Мы курим, ругаемся матом,
Мы помним кассеты, талоны
И первые магнитофоны.

Мы слушаем Сандру и Хоя,
Живее нет Виктора Цоя!
Мы все целовались в подъездах,
Смотрели по телеку съезды...,

Играли на улице в салки,
С горы улетали на санках,
Мы все напевали «Орлёнок»,
И каждый ведь был октябрёнок!

Сейчас уже взрослыми стали,
От нововведений устали,
Мы детям включаем кассеты
И прячем от них сигареты,

Мы – дети восьмидесятых,
Всё чаще ругаемся матом,
Всё реже с друзьями гуляем,
По детству, бывает, скучаем!

Разреши мне тебя любить

Разреши мне тебя любить,
Так, чтоб в омут и с головой,
Не стремлюсь я с тобою быть
И делить пополам весь быт,
Лишь любить... разреши, позволь.

Встречи вовсе я не прошу,
От нотаций своих уволь,
Все обиды тебе прощу,
Птицей в форточку улечу,
Но любить, ты любить позволь.

Есть любовь – дар с небес,
А есть кара, и карма, и боль,
Ты бы из жизни моей исчез,
Словно из храма бес...
Только... позволь мне любить... позволь.

Осень скоро, осина роняет листву

Осень скоро, осина роняет листву,
Под ногами ковёр жёлто-рыжий.
Осень прогонит печаль и тоску,
Брезжит свет, выход есть, он всё ближе.

Осень! Сердце поёт соловьём,
Я люблю нашу осень, пусть и слякоть, и стужа.
Быть счастливой – не значит быть с кем-то вдвоём,
Мне для счастья напарник вовсе не нужен.

Осень! Чудо природы. Стихи
Сами льются, записывай, вот же бумага!
Эти листья ковром – моей жизни цветные штрихи,
В это время люблю я подумать о главном.

Соберёмся с друзьями и сварим вишнёвый глинтвейн,
Аромат его чувства стократ приумножит.
Осень – время для счастья, а вовсе не время потерь,
Улыбнись, пусть тоска тебя больше не гложет.

По пути соберу я осенний букет,
Эти краски напомнят, что жизнь ещё в самом начале.
Знаю, осень опять мне на всё даст ответ.
Тише! Слышишь? Его журавли прокричали!

Был холодный весенний день

Был холодный весенний день,
Приближался дождливый вечер,
В том окне вижу снова тень,
И от этого стало легче.

С опозданием пришла весна,
Май звенел тишиною ночи,
Тень в окне – ты моя звезда,
Мне нужна эта тень, очень.

Вечер вновь нас ведёт домой
И окутывает туманом.
Тень... ты снова в окне... чужой,
Несмотря, что мой, самый главный.

Чемодан и вокзал, спешу,
Будет май, будет вечер грустный,
Тень моя, тебе не скажу,
Как теперь без тебя пусто.

Ненависть

Ненависть. К кому она? Зачем?
Это слово вспоминаю чаще.
Эти мысли уж который день
В голову мою опять стучатся.

Ненавижу или же люблю?
Кто ответит, кто поможет снова
Мне очистить голову мою
От такого мерзостного слова?

Нет ответа, только тишина.
И тебя со мною вновь нет рядом.
Ненавижу. Только бы понять
Грань меж одиночеством и ядом.

Ирина Питеркова

Искривление пространства

Искривление пространства –
Отраженье безрассудства –
Мы черпали наше пьянство
От эмоций и безумства!

От щемящих ощущений,
Так мешающих дышать,
Мы швыряли наши души –
Забывая возвращать!

Небо сегодня крылато

Небо сегодня крылато –
Синь прорвалась под ресницы –
С Богом кружится в вальсе
Душа, превратившись в птицу!

Мы с тобой обречены

Мы с тобой обречены –
Мы – два звука от гитары,
Разрывающей в ночи
Тишину, сердца и пары.

Бросить карты нет нужды –
Я все знаю без причины:
На свиданья и разлуки,
На заломленные руки
И на страсть обречены.

Только очень уж черны
Ваших глаз надменных дуги!

Богу сказав: Спасибо!

Богу сказав: Спасибо!
Утром проснуться рано,
Сердце открыв миру,
С вызовом Чингиз-Хана!

За эти улыбки – солнцем,
За эти объятья – небом,
За то что крылаты – двое
И встретились этим летом…

На ладони беспечно и вечно

На ладони беспечно и вечно
Раскачалась монетка маятником –
Не смотрите так бессердечно
Вы – не демон, и не летаете!

Вольто

Вызов брошен –
– подобран небрежно
…Ожидающе мечется взгляд…
Я – надменна, – а ты – неизменно,
Бескорыстно. Устроил. Ад.

Мир читая с одной страницы

Мир читая с одной страницы,
Поутру улыбаясь птицам,
Отдавая сердца ветрам –
Мы любви воздвигали храм

Лань. Восход солнца на восток

Лань. Восход солнца на восток –
Ветер
Берёзы утра девы сок –
Светел
Вокруг фонтана водопад –
Брызги
Сверкания радостный каскад –
Грызли
Бегом на север и на юг –
К свету
И не всегда остатки песен –
Спеты
Раскаты грома на реке –
Завтра
И ты меня ещё найдёшь,
– Правда?

Тише шеста ресниц

Тише шеста ресниц
При тебе моё дыханье.
Я боюсь тебя спугнуть –
Руки мёрзнут в ожиданье
Чуда? Знака? Полно, Будь!
Не тревожу понапрасну.
Я – твой ангел
Ты – мой сон
Очень ласковый и ясный.

Детям моим быть

Детям моим быть –
Угольночерноволосым!
Иначе зачем любовь –
Таких? С соколиным носом?
Столь тонко очерченный профиль
Породистый, не повторить!
Но что-то неуловимое
Мне в детях не даст забыть –
Ваш яростный взгляд взрывающий,
Все закоулки душ!
Насильственно – принуждающий
Однажды сказать – муж.

Люди, которым хочется Жить

Люди, которым хочется Жить
Нас много, мы тянемся к небу!
Лето, которое хочется пить
Взахлёб, заедая хлебом!

Тихий шелест вереска

Тихий шелест вереска
на ветру
Я быстрее конного
пробегу
Травы в косы буйные
соберу
Солнце твоим именем
нареку
Звезды щедрой россыпью
да туман
Запах сосен с просеки
как дурман
Я навстречу топоту
выгну стан
И ко мне приедет
сероглазый тан
Словно лани быстрые
по росе
Мы стремимся к осени
по весне

Мы с тобой прорвались к небу

Мы с тобой прорвались к небу –
Мы с тобой лучимся счастьем!
Я сегодня – королева,
Ты – мой ангел, что в ненастье
Подарил мне пару крыльев –
Листья клёна, ворох ветра...
Мы с тобой прорвались к небу –
Я – сегодня – королева!

На востоке ночи

На востоке ночи –
Сумрак неба склочен,
И смеётся эхо до зари.

На восходе утра
Встретились кому то
Лепестки оборванной любви...

С ветром целовались –
С шорохом расстались –
Пьяные от пойманной волны…

Мария Краснова

31-я весна

Еду в машине, играет «Наше» –
Любимая песня, и мысли в разлёт.
Весна и голод, и встала рано.
А ты как сказка. Наоборот.

А ты как солнце в тумане сером,
Мечта поэта и сердца боль.
Ненастоящий, сама всё знаю.
Пусть будет так, ну а кто не врёт?

Ещё помаюсь, совсем немножко
И успокоюсь – и морок вон.
А завтра снова услышу «Наше»,
И улыбнусь – ты приятный сон.

Банальности

Татуха до локтя,
Прокуренный смех,
И мат через слово,
И жизнь – как у всех.

Дневник полон «двоек»,
Шарага, стройбат...
Потом на завод,
Вот и всё, чем богат.

И думает Маша:
«Куда уж тут мне?
Я так посижу,
Помолчу в стороне».

Но взгляд такой добрый –
Зовёт за собой.
Скромный романтик,
И вечный герой.

А всё очень просто –
Две разные крайности.
Ну что же меня тянет
Вновь на банальности?

Стихи – как бегство

Стихи – как бегство,
Как попытка изменить
Реальность.
Одно лишь средство, данное
Как данность.
Несёшь и дальше,
Ничему не веря, всё очень просто –
Время, время, время.
А за окошком быстро,
Быстро всё мелькает.
Никто не спросит
Где ты? Что читаешь?
И даже память
С каждым днём всё тише.
Но вот ты снова –
Дышишь, дышишь, дышишь.
И спишь, и видишь
То, что не случилось.
А утром – в бой,
Где солнце не избылось.
За это чувство, тёплое,
Как кошка.
За эти руки,
Ах, ещё б немножко!
За всё за то, что
Вдруг, да не случилось!
За всё. Что снилось и не снилось.

Про счастье

Не читайте, девочки, романы.
Всё в них ложь –
Так в жизни не бывает.
И не стройте розовые планы –
Что он любит, любит и страдает.

Не случится чувство вдруг и сразу.
Будет трудной светлая дорога.
Если стерпите, не струсите ни разу,
Постучится счастье у порога.

Ну, а если ноша не по силам,
Если трудно так, что просто воешь,
Будет в жизни грустно и уныло,
Счастье на страданье не построишь.

Тебе

Я знаю, ты тот,
Кто вздохнёт обо мне,
И тихо попросит:
«Дай, Боже, ей счастья!»

Я чувствую силу
Такого участия,
Когда мы вот так –
На одной волне.

Полжизни как ниткой:
То чёрной, то белой,
То сразу цветной –
Узелок неумелый.

То тихо, то громко,
То робко, то смело.
Ты сразу скажи,
Если вдруг надоело.

А счастье придёт,
Нет, я не грущу –
Я тоже за вас
У Него попрошу.

Юлия Дубинкина

Маленький Пилот

Был у нас мальчик, звали Алёшка,
Он в игрушки играл и дрался немножко,
С прогулки сбегал, на деревья взбирался,
Скучать не давал, как мог развлекался,
Но история у него совсем не проста,
Послушайте люди, ведь таких больше ста:

Родился на свете обычный ребёнок,
но жизни красивой он совсем не узнал...
Злодейка-судьба так жестоко решила,
что после рождения он в дом малютки попал.

Попал к таким же ребятам, здоровым и сильным
С одним таким огромнейшим но...
Им не узнать родительской силы,
Семейного счастья им понять не дано.

Когда подрастают такие мальчишки,
Они по-другому жизнь узнают
Из дома малютки малыши-коротышки
Попадают в детский приют.

Там жить совершенно непросто, несладко
Нет мамы и папы, конфет не дают...
Когда за окном жизнь легка, нежна, гладка,
Ребята одни по приюту снуют.

Но есть у таких мальчишек мечта, не у всех, скорей не у многих,
Желают они покорять небеса,
На военном большом самолёте.

Или из танка врагов убивать,
Научиться владеть пулемётом,
Родину нашу хотят защищать,
Ребята, грезящие полётом.

Военная школа доступна не всем,
Кто-то поступит, не примут другого,
Нам нужно гордится уже только тем,
Как велика сила мальчикового
слова.

Наша смена прошла, что будет дальше не знаю,
Надеюсь только, что ему повезёт,
И сбудется то, чего он так желает,
И в небо взлетит Его самолёт.

Великая Победа

Великая победа досталась Родине с огромнейшим трудом,
Там погибали прадеды и деды,
Женщины и дети, – все, кто мог, шли напролом.

Фашистов флаг висевший, с Рейхстага сняли наши,
Но сколько было боли и какой ценой,
Мы будем помнить вечно, тех,
что не напрасно с наивною улыбкой шли на фронт!

Тех, кто ушёл ребёнком, вернулся взрослым,
Кто-то даже умудрился подрасти...
Тех, кто месяцами по ночам не видел звёзды...
А все из-за войны, а все из-за войны.

Бывали те, уходил из дома, где был комфорт, уют,
А после боя первого, второго напрочь забывали где живут,
Что ждали их и жены, ждали дети,
Что проливала слезы за них мать,
И оставалось этим бедолагам,
Из хосписа на поезд фронтовой шагать...

Бывало уходили парни – красавцы, молодые
А возвращались целиком седые,
Было им всего по двадцать лет,
И были благодарны чуду, что вернулись, что живые, хоть и позабыли, что есть тепло и свет.

Глубокого поклона будет мало,
не хватит миллиарда добрых слов,
За то, что Ветераны на войне отдали,
без задней мысли, и без нынешних понтов!

Целина*

Целина пролетает, жизнь идёт своим чередом,
но так хочется снова собраться,
Поговорить о былом,
Опыта от друг друга набраться.
Ведь не услышишь ты больше:
Вставай! Скоро подъём! Спеши, на зарядку
подняться!
Ты ведь встаёшь сонный и злой,
И к детям идёшь улыбаться.
Как бы то ни было сложно, легко, хочется вернуться
обратно,
Когда за окном сыро тёмно,
Любовь подарить тем ребятам...

Что смеются всегда громче всех
И забавно скрывают проказы,
Позабыв мгновенно про тех,
Кто давал им утром указы

Что играют всегда допоздна
В ненавистные всем телефоны,
Просыпаются долго с утра,
Наплевав на твои разговоры

Что танцуют задорно и много,
Под «качающую» попсу,
Приглашая на белый танец,
Может ту, а может не ту...

Что доверяют тебе секреты
И с благодарностью смотрят вслед,
Когда ты находишь ответы,
Ведь им кажется, что их нет

Что бегут, к тебе, что есть мочи,
Когда приключилась беда,
А потом, как оказалось,
Это была чья-то игра.

Что с улыбкой выходят на сцену
И актёров лучше них нет,
Верят в новые перемены,
Оставляя в истории след.

Что имеют такие таланты,
О которых нам можно мечтать,
Танцы, песни, стихи, пуанты,
– невозможно пересчитать.

Пролетят лета дни – не заметишь,
Вот закончилась Целина,
Погрустишь, вспоминая о лете,
Спросишь – «Следующий выезд когда?»

**Целина – период времени 42 дня когда студенческие педагогические отряды выполняют работу вожатыми, всего 2 лагерных смены.*

Наталья Шиманович

Бабье лето

Ах, Бабье лето!!! Красота твоя пленительна,
Природа-матушка нас радует волнительно.
И рыжий кот лежит в листве ...на солнце нежится,
Ворона-забияка с ним играет, пыжится...

Медовым облаком покрыты кроны деревцев,
И цвета охры листопад повсюду стелется.
Проказник-лучик переливчат, как видение,
Скользит, искрится... поднимает настроение!

Любуюсь с прищуром красой твоей осеннею,
Плыву я в неге и черпаю вдохновение.
Ах, Бабье лето!!! Это Солнышка прощание,
Оно пришло сказать до мая «До Свидания!»

Осенняя грустинка

Села мне грустинка на ладошку
Посмотрела пристально в глаза
Вроде бы она такая крошка
С ней я справлюсь, это ерунда...
Но она смотрела прямо в душу
Взглядом полным внутренней тоски,
Думала легко её я сброшу...
Но она взяла меня в тиски.
Уходить совсем не собиралась
Поудобней только примостясь
Говорит: «Сегодня буду рядом
Хочешь, поболтаем о делах?..
...о делах не хочешь?
Ну не будем...
У тебя осенняя хандра?..
Все вернётся! Будет май с июнем
И придёт к тебе твоя весна!
Зиму вместе мы перезимуем
Лишь чайку душистей завари.
А сейчас оденься по теплее
И пойдём гулять, ты не хандри!»
Так и шли мы с ней шурша листвою
В ярких красках осени златой
И я знала где-то за зимою
Встречу счастье раннею весной.

Тишины хочу

Тишины хочу... тишины...
Видно нервы обожжены.
На пределе, на грани фола
Мы бежим по судьбе сурово.
Словно сваи в бетон вколачивая,
Мы идём и даже не плачем!
Слезы замерли в лютом холоде,
В горле комом... в душевном голоде.
В этом Миллионнике железобетонном,
В Мегаполисе, мать его, доверху населённом. Тяжело встретить душ-роднуличек,
Чтоб согреться хоть чуть... хоть граммуличку...
Каблуки и чувства ломая
Мы бежим день за днём, как по краю.
Электрички, метро или пробки...
Лица-маски замерли жёстко!..
Свет зелёный! И все побежали...
Душ друг друга не замечая.
Не живите вы чувствами постными,
Отдышитесь, сменив бег на поступь...
Это сложно, но стоит попробовать...
Прикоснуться к друг другу... потрогать...
...если встретили родну душеньку,
Будь то друг вам или подруженька,
Берегите, вы люди, общение,
И настанет в душе просветление...

Мой берёзовый край

Ах, как манит меня мой берёзовый край,
Там где нежно плывут надо мной облака.
Я не знаю где есть для души больший рай?
Закрывая глаза попадаю туда,

Где девчонкой босой я бегу по росе.
Смех разносит простора полей широта.
Васильков голубая безбрежная даль
Меня манит... и я растворяюсь вся в ней.

Упаду в луговую душистую ширь
И зажмурив глаза посмотрю в небосвод.
Облака-медвежата плывут надо мной
И я счастлива... мир улыбается мне!

Как вернуться туда? в безмятежную даль
Где девчонкой босой я бегу по росе.
Где дорога чиста и так ярки огни
Безграничное счастье и мир на душе.

Ночь, улица, фонарь, речушка

Ночь, улица, фонарь, речушка
Вокруг всё тихо... ни души...
Зима, ты дум моих подружка
С души печали отпусти.

Мир замер в дрёме предрассветной,
Лишь я не сплю, сижу одна.
Смотрю, как мотыльки-снежинки
Кружат и вьюжат у окна.

В безмолвии немом застыли
Леса и реки, и поля.
Природа спит и вместе с нею
Душою отдыхаю я.

В квартире тихо. Пахнет домом.
Мои девчонки мирно спят.
В душе уют. Я словно в храме,
Лишь рядом носики сопят.

Фонарь горит, мой взор лаская,
Как проводник из света в тень.
Я на него смотрю и знаю,
Грядёт рассвет и ясный день!!!

Одиночества даль...

Вот снова слышу стук колёс я за окном,
И ночь опять нависла страшной поволокой...
Как надоела мне пурга дорог
И безысходность быть всегда далёкой...
А даль?.. Я не могу её понять.
Она то близко, то за горизонтом,
И можно рядом быть, но не обнять
Все время ощущая отдалённость.
О Одиночество?!.. Это на сердце пустота,
Это когда не хочешь думать, жить и верить,
Но вот однажды ОН придёт и лишь тогда
Начнёшь дышать... и что-то по-другому в жизни мерить.
Господь! Не обижайся на меня!
Твоя раба лишь хочет в жизни счастья
И уповает только на тебя,
Надеясь, что закончится ненастье...

Фёдор Круглов

Песни ветра, силуэты

Песни ветра, силуэты,
Зыбкий путь сквозь валуны.
Тень – игра слепого света
И немножечко луны.
Лает филин на берёзу,
Звезды греют звон струны.
На кустах повисли слезы
И немножечко луны.
Фонари бросают пятна,
Мгла ползёт со стороны.
В жизни будет все, ребята,
И немножечко луны.
Крыши гнут худые спины,
Тень танцует у стены.
Выпьем ночь как стопку джина
И немножечко луны!

Незримый Бог

Незримый Бог
Везде и всюду.
Он в каждом,
Он вокруг,
Он Сам и есть

Луна томно мается на качелях

Луна томно мается на качелях
Безлунного полдня.
Жара превращается в передышку.

Когда другие все поумнели,
Я что-то вспомнил
БОЛЬШОЕ – слышишь!

Когда другие лелеют дали.
Я вышел в ТОЧКУ –
Мне преподали урок секунды.

И всё забрав, мне ВСЁ отдали
Те одиночки –
Посланцы БУНТА…

Прощальная взлётная полоса

Прощальная взлётная полоса
Нацелена молнией в небеса.
И тебе не быть такою как все,
Пройдя много раз по той полосе.
Но есть полоса, и горят фонари,
И тебя движет то, что сгорает внутри…
Да и кем быть в крутящемся колесе?
Не иначе как молнией на полосе!

Вьюга пляшет на столе

Вьюга пляшет на столе,
Падает в стакан.
Вьюга стелется к земле –
Белый караван.
Тянет песню про трубу,
Злится под дверьми.
Наступила на губу,
Гнавшись за людьми.
Укусила свой же хвост –
Вечное создание.
Для неё быть очень просто
Центром мироздания.

Корвет «Куринцев» на границе

Корвет «Куринцев» на границе
Скупает шерсть, торгует оптом соль.
На мачте, в ожиданье принцев,
Тоскует одинокая Ассоль.
А принц Додон мечтает о походе,
И на мече его кипит войны пожар.
Он первый класс купил на пароходе,
Зевнул и загоняет в лузу шар.

Я помню тот сон

Я помню тот сон,
Где солнце взмывает ввысь
Стрелою Ясона,
Копьём Ахиллеса, небесной рысью.
Из розовой дымки, стремительным мячиком,
Все выше.
И там, на подъёме сияет все ярче
И дышит.

Жизнь ключом ушла сквозь пальцы

Жизнь ключом ушла сквозь пальцы,
Потолок упал на грудь.
Откружилась в ритме вальса.
Опоясался и в путь.
Открывай замки амбара –
Будут песни, будет пир.
Сын с Отцом, раскинув нары,
Держат на ладони мир.
На столе промокла свечка,
Ткань закрыла зеркала.
Жизнь – звенящее колечко,
Как же ты была мала

Дьявол любит букву я

Дьявол любит букву я,
Гордое создание.
И своё он защищает
Рогом и зубами.
«Только б я и только б мне» –
Думает несчастный
И горит в своём огне,
Рвёт себя на части.
За себя и за своё
Рвёт. Упёрся рогом.
И конечно, он живёт
Где-то рядом с Богом.

Пел уныло Батарея

Пел уныло Батарея,
Пел корнет, сипел линкор.
Хан Степан орды Гирея
Вёл унылый коленкор.
Серп колол поляка Ваську
Шнур торчал на потолке
Ася с Васей вышли в аську
И рассеялись в толпе.

Оксана Ландаренко

Не молчи...

Тишина. Нет, она не пугает тебя
Книжной пылью домашних пустых стеллажей.
Чёрный ветер баллады свои не поёт
О звезде, что погасла над миром твоим.
Серый дождь, одинокий и очень скупой.
И не хочет местами страницы менять,
Все равно старый пёс не поймёт для чего,
Ты и сам не пытаешься это понять.
Не ревнуешь, не любишь, не ждёшь по утрам
Чёрный кофе в постель и слепой поцелуй.
И не ловишь оставшийся запах духов на подушке своей в одинокой ночи.
Только слышишь, она говорит: « Не молчи...»

Маме

Ты тихо бродишь в тишине
И снова свой смущаешь разум.
А вспоминая обо мне,
Ты всё закончить хочешь сразу.
Меня вернуть хотела ты,
Узнав моей любви секреты.
Тебе доверила мечты,
Слагая про него куплеты.
И мне писать сегодня больно,
Разлад снаружи и внутри,
Когда мы не довольны ролью, что нам святые отвели.
Тогда сливаются морями бокал вина и горьких слёз.
И мы становимся врагами,
Шипами красных диких роз.

Не мой

Мы с тобой на разных полюсах,
И это не сон, я чувствую телом.
Давай между делом прощай, уходи,
И ветер в лицо.
Забудь как хотел во мне раствориться,
Лети словно птица в чужие края.
В чужие края, не вспомнишь меня.
Ласковое солнце взойдёт,
Обнимет теплом, но я не воскресну,
Сгорит моё сердце.
Ты хочешь огня, ты можешь согреться,
Сгорю для тебя, живи моя песня, ведь так интересней.
И будет о чем под дождём погрустить
Но я не смогу отпустить и забыть.

Птица железная

Еду в такси, держу тебя за руку,
И волосы ветер ласкает мои.
Луна провожает нас, а бабочки падают,
Разбившись о фары ночного такси.
Аэропорт, самолёт, небо звёздное,
Я остаюсь на земле без тепла.
Птица железная молниеносная,
Гордая стать и два белых крыла.
Солнце обнимет меня, утро раннее,
Чашечка кофе и утренний душ.
Новости в ленте и мысли туманные,
Кажется это не то, это чушь.
Четверть восьмого, звонок, голос каменный,
Еду в такси, вытирая слезу.
Аэропорт, тишина, люди замерли.
Кто-то в толпе прошептал про грозу.
Перед глазами – вчера, небо звёздное,
Я остаюсь на земле без тепла.
Птица железная, молниеносная
Тебя навсегда в небеса унесла.

Максим Орлов

Чародей и ведьма

В ночи под россыпью лучей,
Что дарят звезды с неба.
Я встретился с мечтой людей,
Но с ней Я счастлив не был.

Я делал путь свой чуть сложней,
Но люди мне твердили,
Ты обречённый чародей,
Забытый под Луной людей,
Тебя здесь все забыли.

А Я свой путь вёл не спеша,
Играя с жизнью в краски,
То зелень в россыпи костра,
То первобытная весна,
И Я в зеркальной маске…

В тот день не лёгкий, дождик шёл,
А ветер лишь ярился.
Я в лес с усталостью вошёл,
Откинув мокрый капюшон,
На непогоду злился.

В лесу тропинка, явный знак,
Начало для финала,
По ней мой путь лежит во мрак,
Я вижу, как горит очаг,
Маяк сего причала.

Стучусь, вхожу, не жду ответ,
Ох, непогода злится.
А за столом сидит букет,
Весёлых глаз, и рыжих бед,
Не зря день торопился.

Огонь пылает в очаге,
Котёл бурлит и манит,
А рыжая смеётся мне,
Игрива кошка на окне,
Все разум мне туманит.

Хозяйка с лёгкой хитрецой
К столу зовёт, отведать,
Что день послал, за долгий бой,
За встречу утра под луной,
За право знать и ведать.

Беру предложенный бокал,
И залпом выпиваю,
Такой денёк седьмых начал,
Когда дождь звезды закрывал,
Свою весну спасаю.

А ведьма, молодым огнём,
Зовёт меня и пышет,
И в этот вечер мы вдвоём,
Под стук дождя мечту зовём,
И нас никто не слышит.

Я был счастливей всех тогда,
Вдыхал её дыхание,
И аромат её любви,
Я помню с памятной зари,
Когда восхода корабли,
Несли нам расставание.

Боль обжигала тишиной,
И путь мой вновь родился,
Когда весенний проливной,
Забытый памятной судьбой,
Я с ведьмой породнился.

И дружно силы поделив,
Шепча слова молитвы,
Мы вместе встретили рассвет,
Здесь на пороге битвы.

Она стояла у котла, варила своё зелье,
А Я с порога сделал шаг,
В туман, где нет слепых атак,
Без сна и сожаления.

Мой путь стал вновь слегка сложней,
Когда Я с ней простился.
Я повенчал судьбу на ней,
Свою мечту в кругу огней,
Так горячо влюбился.

«Прости мой рыжий чуткий бес,
Моя любовь земная,
Мой путь лежит сквозь этот лес,
Что послано с седьмых небес,
Кроме Тебя, не знаю.

Я сердцем буду лишь с Тобой,
Ты моя страсть и сила.
Придёт беда, зови прибой,
И набегающей волной,
Вернусь, как Ты просила».

Целую мягко пальцы рук,
Смотрю в Твои глаза.
Я позабытый словно звук,
Для многих Я немой испуг.
Но для Тебя судьба.

С улыбкой смотришь мне вослед,
И песню в путь поешь.
Я вспоминаю чувств букет,
С Тобою встреченный рассвет,
Но жизни не вернёшь.

Дорога вдаль ведёт меня,
Как будто без конца.
Но верю в солнечное «Я»,
Что не забудешь Ты меня,
И встретишь у крыльца

Отвар в дорогу

Стоит девица средних лет,
Копна волос играет с ветром,
В котле отвар прекрасных бед
Бурлит своим янтарным цветом.

В руках крыло летучей мышки,
Две лапки разных паучков.
В глазах азарт борьбы с всевышним,
Обломки траурных оков.

Холодный лёд кипит победой,
Ещё один ингредиент...
И все в дыму, запахло серой,
Котёл вбирает кровь планет.

Слегка помешивает ложкой,
Та словно тает на глазах.
В условный миг мурлычет кошка,
И сладко дрыхнет на цепях.

Девица с хитрою улыбкой,
Берет лазурный черпачок,
И зелье ловко разливает:
«Ещё вернёшься морячок!

Не сможет ни одна сирена,
Тебя в объятьях утопить.
И будет солнечная дева,
Ладонью в стол зеркальный бить.

Вернёшься в дом мой, будь уверен,
Вернёшься и «спасёшь» меня.
И я возможно пожалею,
И не убью в пути тебя».

Встреча для двоих не вместе

Когда-то я смотрел в Твои глаза,
И в сердце не играло струн волшебных,
Когда-то Я дышал с Тобою рядом,
И не было влюблённых переменных.

Когда-то мы при встрече обнимались,
И не было в дыхании порыва,
И было дело, небом любовались.
Без толики сердечного нарыва.

И знаешь, ничего не изменилось,
Меня к Тебе как прежде сильно тянет,
И каждым утром солнце переливом,
В зеркальных гранях манит, манит, манит.

А знаешь, Я, легко, непринуждённо
С улыбкой и мечтой своей во взгляде,
Приду погодкой, темной отчуждённой,
К Тебе на ужин с рыбкой в маринаде.

И будет вечер полный наваждений,
Историй, что заглядывали в двери.
И добрых, и не очень приключений,
И взгляда без иллюзии потери.

И будет догорать на полке свечка,
Верша секундной стрелкой час отчётный,
И мы покинем дом, остыла печка.
На небе будет путь молочно-звёздный.

И никаких порывов и сумбура,
На сердце тишина спокойной вести,
И встреча не стрела того Амура,
А просто встреча для двоих не вместе.

Настроение сестры

«Давай с Тобою снова помечтаем,
Раскроем пару тайных мелочей,
Устроим спор о чистом не реальном,
И сладкий стол из пламенных речей.

Давай сестра, ну что Ты снова букой?
Чего тебе опять мешает петь?
Я не придумал новый спектр звуков,
Мне нужно сердце чтобы всё успеть».

Он тормошил её, шутил и снова слушал,
Как капает слеза на край небес.
И понимал, что будет только хуже,
Когда закончится дыхание чудес.

«Сестра-а-а-а! Проснись уже, ну сколько можно?
Я долгий путь, придумал на ходу.
И жизнь Тебе дарю, чудес не сложных,
Мой милый ангел, в пламенном аду.

Здесь звёзды не сияют ярче солнца,
Лишь по тому, что нужен им огонь,
Тот самый, что родился очень поздно,
В Твоей душе под грифом слова «Боль».

Открой, отдай, не жадничай, обижусь.
Сестра, так невозможно просто жить.
Такие чувства надо переливом,
Отдать, а не под сердцем хоронить».

Она так удивлённо посмотрела,
На вредного, родного наглеца,
И стало ей легко ведь королева,
Не может быть виновницей конца.

Открыла сердце, выпустив на волю,
На свежий не обдуманный простор,
Мечты и слёзы, сдобренные болью,
И чувства, что венчают приговор.

«Хи-хи, – в глазах азарт, огонь победный, –
Сейчас прикажет «радугу» творить».
«Неси мой брат, корону и надежды,
Пойдём в раю порядок наводить».

Злата Ра

Цоколь

Зачем ты пишешь мне письма,
Они мне уже не нужны,
Бесспорно, уснут все на свете,
Останемся только мы,
Останется только пепел
И боги сгорят в огне,
Я вызову с неба ветер,
Развею их по земле.
Как бабочки нежно порхают
По воздуху жёлтой рекой,
А я жёлтый цвет проклинаю,
Ведь он разлучил нас с тобой.

Падали

Где-то бродит любовь,
Одиноко вздыхая,
Где-то бродит мечта,
Между мной и тобой,
Ты оставил все чувства,
В ночном небе растая,
Ничего не осталось,
Как падать звездой.
Звезда упала,
Загадай желание,
Они всегда ближе к нашим сердцам,
Упавшие звезды –
разбитые судьбы,
Разбилось сердце напополам.
Две половинки больше не вместе,
Красная нить порвалась, увы,
Красные звезды,
Красное небо,
Красные строчки нашей главы…
Где бродила любовь,
Одиноко вздыхая,
Кто-то умер,
А кто-то воскрес,
Где бродила мечта
Ты уже не узнаешь,
Я сегодня упала с небес.

Седьмой континент

Мы вошли в этот каменный замок,
Завоёванный нами вне трона,
Мы надели чужую корону,
И на стенах сменили портреты,
Зачеркнув на страницах заветы.
Историю победители пишут,
Так усердно детали шлифуя,
Оставляют все надписи людям,
Не примерив чужую корону,
Победителей больше не судят.

Слово

Ты возьми меня за руку,
И укрой от холода,
Я грести больше не могу,
Слишком бурная здесь река.
Разожги огни весны,
Чтоб растаяло все вокруг,
Я сильна,
Но сильней слова,
Когда ты произносишь вслух.

Кожаные куклы

Только ты не терпи меня
красивую,
Бог простит, но а ты люби
любимую,
Сколько зим я несла огонь
отчаянно,
Будем жить, только жизни нет
кончаемой.
Где Бог, скажи, где Бог оставил нас
бессмысленно,
Ответь...
Знакомый бред трёхчасовой
трагедии,
Играть в любовь в плохой
комедии.

События

И в твой город придёт рассвет,
В твоей жизни наступит гладь,
Я на поезд возьму билет,
Так как ты запретил летать.
Будут гости в застольях пить,
Мой уход обведут в календарь,
Нас с тобой за глаза судить,
И отпразднуют наш январь.
А погода сойдёт с ума,
Ливни сменят ветра планет,
Утром будет висеть луна,
Ну а в полночь наступит свет.
Земля крутится вокруг нас,
Заглушая мои шаги,
Я отмечу в календарь этот час,
Отпустила тебя, беги.

Людмила Сильдам

Я – русская

Я – русская. Я – в поле стебелёк,
Что на равнине среднерусской уродился,
И первый млечный и парной глоток
В меня горячим эликсиром жизни влился.
Простой судьбы, расписанной как день,
Был уготован путь в кривой повозке,
Между лесов, сквозь сумраки и тени,
Но я выискивала белые берёзки.
В кудрях листвы играла мне свирель,
А тонкие стволы в такт колыхались.
В душе остался радостный апрель
И детство, где любили и ласкали.
Я мысленно иду в наш старый двор,
Там курицы пшено давно склевали.
Где мужики вели о жизни спор
И разгоняли деревенские печали.
Я русскостью не буду поражать,
Она не зреет – при рождении даётся.
А мудрость – все народы уважать –
В меня всадили как лучи от солнца!
Досталась мне от предков и печаль,
Сжимают сердце всех ушедших лики.
Длинною в жизнь лежит на карте даль,
Чья боль и вера в душу мне проникли.

Средневековая зима

Под белоснежные ковры,
Собрались русла старых улиц,
Дома стоят в веках ссутулясь,
Как антикварные шкафы.
Меняет ветер непогоду,
Огонь мелькает в темноте,
В уютной старенькой корчме,
Заменят время нам в угоду.
На перекрёстках новизны,
По переулкам мирозданья,
Бредут не вещие, но сны,
Пересекая путь познанья.
Завяжут помыслы в узлы,
Соткут, ещё осталась пряжа,
Из ангелов святая стража
Набросит саван тишины.
Не тратя мысли на слова,
Разлуку холод подытожит,
Но ничего не преумножит,
Судьбы отдельная глава.
Победной встречи поворот,
В тупик простого лабиринта,
Втолкнёт и странника, и принца,
Замедлив времени отсчёт.

Разбита ночь

Разбита ночь на минуты,
На строки экран дисплея,
Душа до утра разута,
Ведь я не Кассиопея.
Уверенно по маршруту,
Слёз и в любви признаний,
С надеждой на новое утру,
Иду с узелком познаний.
В туманности Андромеды
Всё чаще родные лица,
Согласна бы стать кометой,
Светить им и освятиться.
Но мысли сгущают краски,
А сердце ищет причину,
Кто-то придумал сказки,
Свечу заменил лучиной.
Экран и молчание строчек,
Мигают светодиоды,
Просто хочется почек,
Весны и ложечку мёда.

Чаепитие

Летний день, раскалённое солнце,
Полдень тих и зовёт на обед.
А на скатерти в радужных кольцах –
Мёд, баранки и чашка конфет.

Самовар посредине застолья,
Наполняет уютом сюжет.
Чаепитие – как богомолье,
Помню я ритуал с детских лет.

Моя бабушка с русой косою,
Как купчиха на том полотне –
Круглолица, рука под щекою,
Держит блюдце, глаза в стороне.

Тишина и покой, ни словечка,
Вспоминает былое своё,
Пар клубится над чаем колечком,
Вверх уносит печали её...

Разомлеет, посмотрит с улыбкой,
Я прильну на плечо головой...
Крестик трону, подвязанный ниткой,
И сейчас помню запах родной.

Отшумели весёлые ливни,
Ветер южный не треплет ракит,
У купчихи глаза словно вишни,
Это бабушка... просто молчит.

Колесо фортуны

Колесо фортуны смазывать не надо,
Пробегают мимо номера удач...
Мне совсем другое вспоминать отрадно,
Как скрипит в телеге колесо-скрипач.

Над пригорком утро, сенное, цветное,
Колкое, сухое, с запахом поры
Летнего безделья – времечко святое,
Даже не помеха набеги мошкары.

Глухо бил копытом конь не пегой масти,
Пыльную дорогу на шаги дробил.
Не вмещало сердце радости и счастья,
И хотелось в поле бегать что есть сил.

В жизни восходящей не жила тревога,
И бежал вприпрыжку встречный мальчуган.
И жужжали пчёлы... Наливались соком
Веточка и листик, радовал туман.

Позабыв свободу за рутиной мыслей,
Вдруг остановились – временный разлад.
Вспомнилась лошадка, девочка и числа,
Колесо фортуны не делает возврат.

ПРОЗА

Каринэ Шахбазова

Online

Шум двигателей самолёта успокаивал её. Суета в аэропорту хоть и была отвратительной, но только не в это утро. Здесь даже кофе казался вкуснее. Возбуждающее чувство новой жизни накатило на Наталину ещё неделю назад, когда все окончательно решилось. Новая страна за океаном не особо привлекала её, скорее возможности по которым она изголодалась. До рейса оставалось сорок минут.

Наталина вошла в дамскую комнату, в которой никто не убирал, судя по ароматам уже часа четыре. Грязное зеркало, как обычно было занято юными девицами, которые топорно красили распухшие губы.

– Ущербные ритуалы наших людей – игриво пронеслось у неё в голове. – Наконец–то я смогу все это забыть.

Открыв кран, она стала нервно и тщательно мыть руки, как хирург перед операцией. Хотелось смыть все, что связывает её с этими людьми и страной хотя бы на время. Достав из рюкзака расчёску она принялась разделять свои спутанные рыжие волосы. Они были её главным украшением, отвлекали внимание от её веснушек и возраста. 1.57 и среднего телосложения, сероглазая дама не самого ликвидного возраста с мешком проблем вряд ли смогла бы хорошо устроиться на родине. Поэтому в ход пошли сайты знакомств полные лицемерия и меркантильности, языком она владела в совершенстве.

Молодые падальщицы не брезговали найти старого и немощного урода с вялой потенцией и толстым кошельком. В мире сетей – это настоящий джек-пот. Все мечтали вытянуть счастливый билет. Наталина никого не осуждала, в этом поганом мире деньги – единственное, что приносило счастье и реально решало проблемы. За её плечами уже был неудачный брак от которого остался сын-инвалид. Он родился со злокачественной опухолью мозга, которая спровоцировала паралич нижней части тела. По статистике такие дети не доживают до десяти лет, а ему было уже восемь. Время ускорялось с каждой неделей. Единственное, что давало надежду это экспериментальное лечение в Европе, стартовая стоимость которого начиналась от 100 000 евро. Сын был самой главной тайной её жизни, мало кто его видел. Естественно, что и в любовных письмах ему тоже не было места. Наталина успокаивала себя каждое утро:

– Это все ради сына и таких, как он…– Иногда она занималась благотворительностью и ужасно гордилось этим. Со стороны это выглядело абсолютно нелепо. Такое замаливание грехов ещё никому не помогало, а только утяжеляло крест.

17:03 Самолёт прибыл точно по времени. Счастливая и лёгкая она бежала на встречу к своему старичку, пару раз глупо споткнувшись. Предварительно вылив на себя полфлакона дешёвых духов и надев малиновое манто.

Джек был типичным представителем капиталистической старости. Не замыленный взгляд, небрежно застёгнутая кофта, джинсы больше на пару размеров и на удивление отличная фигура. Все недостатки внешности компенсировали классические Rolex.

Переписку они вели в течении года, Джек был дико заурядный и типичный. Стандартный пакет комплиментов, дешёвые любовные признания, парочка подарков и вот он уже выслал деньги на билеты в один конец.

– Я так рада…я скучала – прыгнув в его душные объятия, прошептала Наталина.

– В жизни ты ещё прекраснее,– подняв бровь, он улыбнулся полным набором дорогих винир.

Простаивать смысла не было, его дом был в двадцати минутах езды от аэропорта. Это была скорее его дача, куда он приезжал на выходные, а шум самолётов успокаивал его. Домик был очень не похож на то, что он рассказывал. Да и вообще, все что он писал оказалось куда лучше. Огромный трёхэтажный серый дом с прямой крышей,

розарий на главном входе и высокий кованый забор. На родине Наталины такими домами владели только богачи и воры. Капитализм наглядно. Раньше ей казалось, что человеку что не дай, он разрушит, раскритикует и выбросит. Видимо, это черта только наших людей. На пару минут было приятно забыть обо всем, что осталось там. Красивое место, симпатичный мужчина, может ещё есть шанс все исправить? Все мужчины, которые появлялись в её жизни через год в среднем испарялись. И при виде нового, её внутренности содрогались и оставалось ждать когда он уйдёт. Может с иностранцами все иначе? Человека можно любить только если не знаешь его близко, Наталина всегда вредила себе. Все тайны, стремления и трагедии она выливала на каждого проходящего, не могла себя контролировать. Настало время закрыть рот и сделать своё будущее. Хватит доедать за другими и смотреть щенячьими глазами на любого, кто пожалеет. А если все сложится, как в её мечтах-то правду про сына можно и не раскрывать. Главное, собрать деньги.

Первая половица дорогого паркета скрипнула и немного провалилась. Ощущалось, какая же она тяжёлая. Дом внутри выглядел ещё представительнее. Джек занимался антиквариатом и раритетным дорогим хламом. Дом был похож на музей, было страшно прикасаться к этим стульям и предметам. Хоть Ната и ненавидела хлам, но все это вызывало только восторг. Что в доме вызывало дискомфорт – так это отсутствие дневного света. Все окна были наглухо закрыты тяжёлыми ролетами.

На первом этаже была гостиная, кухня и маленький спортзал – что сразу объясняло атлетическую фигуру Джека.

– Поднимайся наверх, там твоя комната. – Сказал он, одновременно наступив на скрипучую половицу.

Наталина стремительно рванула наверх, скользкая лакированная лестница выглядела по-королевски. Вторая комната слева оказалось очень узкой, но с огромной кроватью, которая совершенно не вписывалась в интерьер своими размерами. Ната бросила сумку на пол, открыв стала искать подходящий сарафан. Скрип лестницы был для неё сигналом лёгкой нервозности, все-таки Джек в жизни был немного странным, очень молчаливым. Дверь резко открылась и Наталина раздетая по пояс, резко подавилась и закашлялась.

– Не надо нервничать, просто разденься – твёрдым шёпотом сказал Джек.

– Что? Это шутка? – сердце переместилось в желудок, тремор из рук расходился по телу.

– Я же понимаю, зачем ты здесь, это место надо заслужить…– заведя руки за спину, он медленно подходил ближе.

– Если это не шутка, я вызову полицию. Не делай этого.– тихо сказала Ната, уши начало закладывать от сердцебиения, адреналин нарастал. Теплилась надежда, что все уладится.

– У тебя 30 секунд…29,28,27– чем меньше оставалось, тем быстрее он считал.

Прижав к груди сарафан, Наталина была в оцепенении, ей не верилось, что такие ситуации в жизни выглядят намного более нелепо, чем в кино или новостях.

– 9,8,7…– шёпот становился все громче и он дико поменялся в лице.

Наталина резко выбросила платье и прыгнула на него плечом, нужно было лишь пошатнуть его и освободить проход. Это удалось. Одной ногой она была в коридоре, когда услышала треск своей головы и рухнула от резкой затылочной боли.

Антикварная резная рукоять топора конца 19 века рассекла голову и отрикошетила в нижнюю часть стены. Джек отстранённо стоял, немного пошатываясь. Он внимательно изучал свой новый экземпляр на полу.

Джек.

Родился в 50–х годах, его юность была очень серой. В то время, как молодёжь зачинала сексуальную революцию, он тух в кабинете отца. Антикварный бизнес – все богатство их семьи. Нужно было годами исполнять прихоти отца-деспота, чтобы получить все. В какой–то момент стали пропадать все родственники. Сестра и сводный брат, поехав кататься на лодке так и не вернулись. А через два года исчез Отец. Все было легко обыграть, многие знали, что тот страдал Альцгеймером и мог

банально потеряться. Поэтому он до сих пор числился без вести пропавшим. С годами приступы Джека усиливались. И он знал, что если подавит их – лишится сна и аппетита. Приобретённый четыре года назад загородный дом в районе аэропорта было лучшей его инвестицией.

Выписывать девушек заграницей было очень легко. Выбирал всегда низких и несчастных. Пару месяцев любовных признаний и вот она уже здесь, готовая получать дивиденды за свою красоту. Большинство сразу соглашалось на все, лишь бы уйти и не злить его. Хотя…все это было не важно, ведь никто так и не покинул этот дом. Адреса никто не знал, Джек всегда покупал новый компьютер для переписки, фото на сайте не было. Единственное, что он присылал – так это видео низкого качества полное пикселей. Хладнокровный, богатый отшельник – так его все местные знали. Успешный коммерсант был всегда в работе, редко выходил из дома.

Наталина лежала лицом вниз на холодном заливном полу, придя в себя почувствовала металлический привкус во рту. Кровь с затылка растеклась во обеим щекам, нос был сломан от падения. Рыжие волосы спутались и стали бордовыми. Руки и ноги намертво затянуты кабельными стяжками. Повернувшись на бок и щурясь от яркого света ламп, она начала осматривать помещение. Это был подвал или чердак с гладкими светлыми полами и стенами. Вокруг была абсолютная пустота и только одна дверь. Пробуя шевелиться, она ползла к двери, размазывая свою кровь по белому полу. Кричать было страшно. Она приложила ухо максимально плотно к дверной щели,

сквозняка практически не было. Задержав дыхание и пытаясь успокоить стук сердца она услышала лишь глухо уловимый шум мотора.

«Там машина…»– пронеслось в голове, тогда она со всей силы ударила в щель левым плечом. Дверь немного, но содрогнулась. Тогда она стала бить сильнее с каждым разом, пока не выпал сустав. Она перестала чувствовать всю руку. Отчаянье накатило, осталось только горькая беспомощность и ожидание. Через пять минут дверь с размахом открылась.

– Из–за тебя я быстро отпустил покупателя, твоё счастье, что сделка не сорвалась! – закричал он, оставив дверь слегка открытой,– Ну что? Дальше будешь драться? Даже собака понимает с первого раза…– присев на пол, шептал он.

Наталина боялась пошевелиться и решила молчать.

– Сколько вас было, все одинаковые. Теперь можем поговорить откровенно. У тебя есть вопросы? – на выдохе спросил он.

– Зачем ты это делаешь? Что тебе нужно от меня?– …кровь из носа начала капать на пол.

– Банальщина… Одно и то же. Зависимость у меня такая последние лет сорок. Все что ты можешь сделать, так это не сопротивляться. А то предыдущая испортила мне паркет на входе. Ты не выйдешь отсюда. Не усложняй. Твоя жизнь спасёт много других. Если бы не вы, пришлось бы делать глупости здесь, а законы сама знаешь…очень строгие. Ваши жизни ничто в сравнении с моей, я не такой

антагонист. Я делаю намного больше полезных дел, чем тебе кажется…– Джек присел рядом с Наталиной.

– Ты болен…– промычала она, слезы катились по щекам, не прекращающимся потоком.

– Ты знаешь, что антикварные гробы на удивление герметичны? Идеальная конструкция. Кстати, у меня самая большая коллекция в стране. – холодным шёпотом выпалил он, потирая правый глаз.

– У меня есть сын, отпусти меня, прошу. Он инвалид, ему нужна операция – задыхаясь, умоляла Наталина.

– Я знаю… знаю все о тебе, о твоих проблемах и зачем ты здесь. Не переживай…я все сделаю. – Джек резко поднялся и придавил слегка открытую дверь.

На следующий день.

Начало осени всегда немного депрессивное. Самолёты разгоняли пыль. Последние розы отцвели, в воздухе запахло лёгкой гнилью листьев.

Джек смотрел на пейзаж и ни о чем не думал, погрузившись а лёгкую меланхолию. 13.20 – через десять минут привезут новый товар. Посмотрев на часы, он в темпе побежал в ванную комнату. Вода в раковине едва окрасилась в розовый, щёткой он с усилием прошёлся поперёк ногтей. Звонок. Приехал курьер.

– Выгружайте все на задний двор, я сам отсортирую товар…– крикнул Джек из ванной.

Четыре грузчика сразу начали отгрузку, не входя в дом. Джек всю жизнь перепродавал антиквариат, у него была прекрасная репутация. Этот привоз не отличался от его типичных перекупок: несколько предметов письменности конца XIX века, набор для укладки волос того же времени, парочка фирменных бра конца XX века, обеденный стол конца XVII и два на удивление герметичных гроба из красного дерева с едва видимой золотой отделкой. Пока во дворе творилась суета, Джек поднялся по скользкой лестнице в кабинет на втором этаже и сев за свой любимый стол достал чековую книжку.

В левом верхнем углу темно-зелёным жирным шрифтом было написано: P.O. Box 555309, TAX ID и TrustChildWay – огромный детский благотворительный фонд. Цифра в 200 000 $ появилась из-под ручки.

Подписав своей размашистой подписью чек для одного иностранного мальчика, он аккуратно положил его в сейф к другим уже обналиченным.

Выдохнув, он спустился в кухню. Поставил чашку под кофе-машину и увидел на ней маленькое красное пятнышко. Пока машина бурлила, Джек облизал палец и с надавливанием со второго раза стер его. Рядом стоял уже, как пару дней купленный лэптоп. На сайте уже было более пятидесяти сообщений от разных женщин.

Джек довольно ухмыльнулся, сделал один большой глоток горячего кофе и уже через минуту под его ником высветилось скромное online.

Полина Кипрушёва

Сказки Посудного Королевства

Знаешь, в Посудном Царстве всё совсем по-другому, не так, как у нас, у людей.

Там есть много удивительных особ. Но удивительнее всех Чайная Ложечка.

То есть их много в Посудном Царстве – все они сёстры-близняшки, абсолютно неразличимые на первый взгляд, но глубоко индивидуальные, если познакомиться поближе. Сегодня я расскажу тебе об одной из них, пожалуй, моей любимице.

Вот она. В ней поразительно сочетаются женственность и детскость. Только посмотри, как всё в ней напоминает девушку: изящный силуэт, тонкий изгиб талии, правильный овал лица и даже длинное платье со скромной оборкой. Но её поведение – Господи! – нередко заставляет закатывать глаза тётушек-вилок и дядюшек-ножей и сокрушённо вздыхать: «Ложечка!..».

Она же ведёт себя как истинный ребёнок! То «нечаянно» выпрыгнет из сушилки, то соскочит со стола на пол, то и вовсе куда-то запропастится! Поэтому и имя у неё маленькое, детское: её называют никак иначе, кроме

как уменьшительно-ласкательно – «Ложечка». Никто никогда не назовёт её «Ложка». По отношению к ней это будет звучать грубо. Тем более Ложка – её старшая сестра. Та мудрая и спокойная. Но Ложечка – игривая, потому что маленькая. Или не так. Она маленькая – так уж получилось, такая у неё роль – поэтому она позволяет себе быть шалуньей, немножко проказницей. Она ребёнок в Посудном Царстве. И как всякий единственный ребёнок – любима и чуть избалована. Независимо от того, сколько ей лет, всегда будет оставаться ребёнком.

Но в то же время она не по-детски преданна и умеет любить. Конечно, она любит старших сестёр, тётушек, дядюшек и сестёр-близняшек. Но более всего она предана Чашке. Поэтому даже в имени её есть имя его, ведь она – *Чайная* Ложечка. Вся игривость рядом с ним пропадает, вдруг она становится робкой и послушной – тихо лежит, как положили, рядом с Чашкой или на блюдечке. Уже никуда не скачет. Она боится заговорить с ним и уж тем более показаться глупой, поэтому предпочитает смиренно лежать. *Чашка*. Он кажется ей мудрым, наполненным какой-то тайной, которую ей – всего-навсего чайной ложечки – в жизни не разгадать!.. Конечно, он вовсе её не замечает (но любопытно, хотя бы обращает внимание на то, что в её имени есть его имя?..), гораздо интереснее ему общаться с дамами из своего круга – кокетливыми фарфоровыми чашечками и немного дерзкими кружками. А она – лишь чайная ложечка!.. От таких мыслей ей хочется плакать (она видела, как это делали Люди), и будь у неё глаза, обязательно бы заплакала!.. Но знаешь, ведь глаз, таких глаз, из которых могли бы пойти слёзы, у неё

нет. Поэтому Ложечке остаётся только покрываться испариной, украдкой поглядывая снизу вверх на своего кумира.

В целом, если не считать этой мелодраматической минуты, жизнь её ничем не омрачена, а очень даже весела и беззаботна – она ведь любительница попадать в истории! Но об остальном в следующий раз. На сегодня хватит. Ты же не забыл, о ком мы говорим? А поэтому и узнавать её надо постепенно – не ложками, а маленькими чайными ложечками.

Небесная гостья

Он удобнее усаживается на диване, сложив за спиной крылья, и вдруг просит:

– Расскажи мне о радуге!

Удивляюсь, чуть ни поперхнувшись кофе: к чему вдруг – радуга?..

– Зачем?.. Ты ведь сам можешь её увидеть.

– Нет, прошу, расскажи! Я боюсь, что не успею, а значит, не пойму чего-то очень важного в вашем мире…

– Ну, что ты, – успокаиваю его, садясь рядом. – Ты обязательно её увидишь. Мы вместе. И я даже расскажу, как это будет.

В тот день будет лето.

Это не так, как сейчас. Сейчас – зима.

Лето – это когда наверху высокое-высокое небо цвета моря, а внизу – точно зелёный ковёр. «Зелёный» – это как моя кружка, смотри.

В тот день будет Солнце и Дождь. Это обязательное условие для Радуги. Только Солнце будет намного ярче, чем сейчас, и жарче: мне не придётся так долго одеваться, чтобы выйти на улицу. А Дождь – это как снег: он тоже падает с неба, только каплями, а не снежинками. Так вот, в тот день Дождь начнётся без предупреждений – никаких туч на небе, и, главное, Солнце будет продолжать светить! Это редкость: обычно они не уживаются друг с другом. Дождь сначала немного подразнит нас, поиграет: ущипнёт за руку, прыгнет на макушку, шлёпнется на нос. А потом, словно рассмеявшись, начнётся с силой. Но он не загонит нас под крыши. Будет тёплым и ласковым. Нам захочется подставить лицо его каплям. И вот тогда мы увидим её!

Я воскликну: «Смотри, смотри, Радуга!..» А ты не заметишь сразу, и начнёшь смешно вертеть головой: «Где? Где?..» Радуга очень похожа на мираж, призрак. Только что её не было, а теперь раз – и есть! Но я покажу тебе, куда смотреть, и ты увидишь. Возможно, это будет только пятнышко, может быть, – одна дуга, но, скорее всего, в тот день нам невероятно повезёт, и мы увидим её целиком! Она будет такой, какой ты знал её на картинках: высокой аркой, раскинувшееся над землёй, волшебными воротами. Ты начнёшь шептать стишок, точно заклинание:

«Каждый охотник желает знать, где сидит фазан». Красный, оранжевый, зелёный, голубой, синий, фиолетовый. Ты различишь цвета, только они не будут такими яркими, как их рисуют. Скорее всего, появится светло-светло-красный, бледно-жёлтый, прозрачно-голубой или призрачно-зелёный. Они будут плавно переходить друг в друга, смешиваться. Но самым поразительным будет то, что ты не найдёшь ни одного «лишнего» цвета! Заклинание сработает.

Но Радуга на небе недолгая гостья. Как я уже сказал, ей необходимы и Солнце, и Дождь. Стоит пропасть одному, как и она, погрустив, поспешит следом.

Так и в тот день, скорее, затихнет дождь, и Радуга бесследно исчезнет.

Но ещё долго, после встречи с ней, мы будем поднимать голову в небо. А потом забудем и по старой привычке уткнёмся в землю.

И тогда она снова появится.

– Ну что, – смотрю на него, – ты понял что-то очень важное?

Он умиротворённо кивает, закрыв глаза.

– Ага. У вас тоже есть чудеса. А ты говорил, что нет. Почему?

Задумываюсь и не нахожу ответа: и правда, почему?..

Ирина Савченкова

Твои крылья

Маленькая книжечка карманного формата, купленная в Санкт-Петербурге. Рей Брэдбери, «Дзен в искусстве написания книг». Необычное название. Необычность выбора в магазине (и почему именно эту книгу захотелось купить?). Желание прочитать её не сразу, а спустя какое-то время, когда стрелка твоих внутренних часов остановила свой выбор именно на ней. Уютность кресла, золотистый свет лампы. А за окном уходит лето, окрашивая по пути листья деревьев в золотой, красный, бордовый, оранжевый…

Я читаю, иногда поглядывая в окно. Прочитав фразу: «Нужно опьяняться и насыщаться творчеством, и реальность не сможет тебя уничтожить», задумываюсь…

Вот так, оказывается, в одной фразе можно уместить ответы на многие вопросы. Вопросы, которые мы задаём себе ежедневно. Как быть счастливым? Что такое жить полной жизнью? Как не впасть в уныние? А если впал, как выбраться из него? Как научиться радоваться жизни и не испытывать стресс?

И ещё много похожих вопросов, приходят к нам и иногда так и уходят. Потому, что мы не знаем на них ответ.

Мы прочитываем много книг. Мы слушаем психологов и проходим их тесты, надеясь, что сейчас получим чёткое руководство к действию: «Живи вот так. А это не делай. И будешь счастлив». Но никто не даёт нам этого. И снова прилетает рой тех же самых вопросов.

И снова мы ищем на них ответы. И вспоминаем, как выглядит Знак бесконечности….

Потом мы замечаем, что кто- то из наших близких или знакомых счастлив. Но не так как мы, хотя мы тоже вроде как не несчастны. А счастлив как-то по особому. Улыбается. Радуется любой погоде. И даже не сетует на отключение горячей воды летом или отопления зимой. Как будто какой- то незримый свет счастья исходит от него, поглаживая тех, кто оказывается рядом. Тогда мы начинаем присматриваться, приглядываться. Может он или она откроет нам способ как быть счастливым? И вот мы уже вместе идём в бассейн, или в спортзал, в театр, или в поход. Хотя никогда и не любили ночевать в палатке или заниматься шейпингом три раза в неделю. И через месяц или два понимаем, что ничего не происходит. У нас не улучшается настроение. И октябрьский дождь так же раздражает. А тут ещё и горячую воду отключили…

Эти мысли пришли ко мне после прочтения этой фразы. Потому, что это тот путь, по которому проходят

все. За исключением тех счастливчиков, кто осознал эту истину ещё при рождении. Потому, что на самом деле всё одновременно легко и трудно, Просто и сложно.
Ты всматриваешься вглубь себя и находишь в своём внутреннем мире СВОЁ творчество. Нужное лишь тебе. Питающее тебя и дающее тебе силы. Приносящее тебе радость. Пьянящее и наполняющее тебя. Пылающее внутри тебя ярким костром. Дающее тебе драйв и упоение от того, что ты делаешь. И не важно, что это. Вышивание крестиком или перевод книг с русского на языки народов Севера. Главное что этим хочется заниматься и в октябрьский дождь. И в зимний снегопад, И даже когда отключили горячую воду.

Это, найденное тобой, образует крылья за твоей спиной, которые одновременно служат тебе защитным куполом, который невозможно уничтожить

Утренне-манно-ясельное

Дача для меня это особый Мир. Именно так. И название ему – Мир. Просто Мир. Улыбаясь цветущими жёлто-синими ирисами, приветственно поднимая вверх ветки папоротника, подмигивая раскрывшимися цветками календулы, этот Мир ждёт меня. Круглогодично. Круглосуточно. И всегда он разный. Он, как кокетка, которая никогда не приходит в одном и том же на другое свидание…

И этот Мир всегда непредсказуем и полон сюрпризов. Он готовит их мне, преподнося порционно и всегда неожиданно. Продумывая их ночью, наверное. Но всегда угадывая, заранее и безошибочно, в каком сюрпризе я сейчас нуждаюсь.

Так вот об утренне-манно-ясельном. Просыпаюсь утром на даче. Июль, солнышко в окошко, часы тикают, дети спят. Потягиваясь, думаю о том, что вот валялась бы в кроватке, глядя в окно на небо, облака, деревья. А тут вставать надо – ибо скоро все проснутся и завтракать захотят. И тут мой Мир преподносит мне сюрприз. Утренне-манно-ясельный. Сюрприз тихонько открывает дверь, просовывает в неё голову и спрашивает тоже тихо, чтобы не разбудить тех, кто ещё спит: «Завтракать хотите?»

И этот замечательный сюрприз держит в руках кастрюльку, заботливо укутанную в полотенчико.

И улыбается улыбкой моего папы. И это и есть мой папа, который проснулся раньше всех и уже озаботился приготовлением завтрака для тех, кто поспать любит больше, чем поесть. И поставив кастрюльку на стол, опять улыбается, совсем как Джин, вот точно, как он в одном детском фильме-сказке, такой же загадочной улыбкой и исчезает… Только не в лампу, где как мы все помним жил Джин, а как то незаметно за дверью….

Я открываю крышку, а там…каша… манная.
Запах каши, солнышко в окне, я в пижаме (люблю на даче спать в пижаме, утром в ней так удобно выйти на крылечко и кофе пить). И мыслями улетаю вдруг в детство.
И почему то вспоминается детский сад, где манная каша на завтрак явление почти каждодневное. Я улыбаюсь этому воспоминанию. И с удовольствием ем кашу. Манную.
Иначе, зачем Мир готовил мне этот сюрприз. При том, как видимо, сговорившись с папой.

А вечером сын поймал ящерицу. Красивую.
И с длинным хвостом. Поймал ли? Как он говорит, шёл, а она сидела на дороже. Он просто протянул руку и взял.
И все сбегаются на неё посмотреть. И это ещё один сюрприз. И опять я улыбаюсь…

Иван Князев

Очерки о Средневековье

«Но ты скажи червям, когда без сожаленья
Они тебя пожрут лобзанием своим,
Что лик моей любви, распавшейся из тленья,
Воздвигну я навек нетленным и святым!»
«Падаль» Ш. Бодлер

Над землёй тянулся поздний, унылый, грустный ноябрь. По пасмурному небу плыли свинцовые облака, поминутно грозившие промозглым и острым дождём. Поля стояли пустые, грязные и взмокшие. Они были перепаханы к весне, но в половину, да так и брошены. С полей несло сыростью, плесенью и склепом. Черные и взмокшие стволы деревьев торчали из земли так одиноко, сиротливо и ненужно, что тут уж невольно подумаешь: «Может лучше, чтоб не было вас вовсе?..» Лесов в этих краях почти и не водилось. Глухие долины. И эти вот одинокие, не нужные мертвеющие стволы-абрисы бывших некогда

деревьев. Последняя неживая листва уже почти слетела. То там, то тут сиротливый лист нёсся по ветру и падал, от сырости и тяжёлой неизбежности, перемешиваясь с грязь. Это месиво, из грязи и листьев, налипала к башмакам прохожих. Дул промозглый, рваный, северный ветер. Дождь то усиливался, то пропадал. Дорога совсем раскисла, и превратилась в грязное месиво. Было грустно, по-осеннему уныло и вывернуто. Природа готовилась встретить зиму. Но и зима всё никак не шла. В этом ожидание всё застыло. Щемящие, печальное, одинокое и ненужном оцепененье. Всё теперь подсказывало грусть. Всё катилось к неминуемому и неотвратимому концу. К той последней черте, которая неизбежно маячила на горизонте. Сиротство щемило душу – мерзкое, склизкое, сыровато-гниющее. Тучи уже давно сомкнулись и закрыли собой небо. Солнце будто забыло сей брошенный край. Всё вроде бы так. Но и всё навыворот. Пустота и мрак. Выло…

По изрытой канавами дороге, где по щиколотку, где почти по колено в грязи, едва держась на ногах, тащился монах. Он шёл по дороге один. Его изодранная, чёрная, залепленная грязью ряса едва держалась на худом теле. На ногах были истасканные, рваные башмаки похожие на обувь. На конечностях проступали синеющая сетка полупрозрачных жил. На костлявых выпирающих коленях зияли две истёртые ссадины, от долгих коленопреклонённых молитв. На жёлтом, иссохшем лице

выпирали скулы. Рот впал из-за отсутствия зубов. Две глазницы на восковом лице казались огромными безднами, провалившимися и измученные. Глаза, серо-блеклые и не выразительные, были проедены красными жилками. Лицо монаха было изрыто оспинами. Во всей фигуре монаха сказывалась изломанная, измученная напряжённость. Это был древний старик, сорока лет от роду. Согбенный под тяжестью земных невзгод и проблем, многодневных постов и бессонных, ночных, молитвенных бдений, мыслей и печалей. Ветер изрядно и безжалостно трепла и пытал одинокого странника жизни. Дождь не жалея сёк его лицо. Но рука монаха привычно перебирала чётки. Губы едва шевелились в такт чёткам. Молитва из земного смрада летела прямо к небу. Вот так, едва волоча ноги, согнутой к земле голодом и невзгодами, чернец набрёл на небольшой город-село.

Монах вошёл в город через ворота, которые были отчего-то не заперты.

Да… тяжёлые картины разворачивались пред странниками входящих в это селение сегодня. Город тронул мор. Два месяца назад в город из гавани, ввалилась Чёрная смерть, и стала хозяйничать и править свой суд. Селение было почти пусто и разорено. Кругом лежали черные трупы, изъедаемые червями. Чума тяжёлой и упорной поступью прошла по городу, сравняв его под ноль. Так самый жестокий завоеватель не сумел бы это

сделать. Чума пришла с купцами и моряками и начала свои пляски – пляски смерти. Чума не щадила никого – не богатого, не бедного, не босяка, не знатного вельможу. Единственный способ преодолеть заразу был бег – быстро и без огляди. «Бежать надо было как можно быстрее и как можно дальше», так говорил тогда. И были правы. Но и этот стремительный, панический уход от мора, отдававший откровенным сумасшествием, не всегда выручал. Чума была быстрее человека. И вот город почти опустел. Просел. И наконец, провалился совсем.

Смерть хозяйничала повсюду. Она издевалась над своими жертвами, играя с несчастными в нечестные свои игры. Смеялась им в лицо, изводя их своим лукавством и шулерством. Тот, кто попроще играл с этой чертовкой в салки и прядки. Тот, кто по азартнее предпочитал пряткам карты. А тот, кто по умнее возносился до шахмат. Ставка в этих играх, была высока и одна единственная, но завсегда предрешённая. Да и смерть вряд выигрывала. Она умела только пожирать и перемалывать. Её нутро было всегда голодно и никогда не насыщаемо. Только одинокий ветер времён, был ей спутником.

Вот чума лёгким поцелуем прикасалась ко лбу новорождённого, и тот почти не мучаясь, покидал сей мир. Вот Чёрная смерть грубо разворачивала случайно угаданного прохожего и гипнотическим взглядом навсегда завораживала несчастного. Иные жертвы сгорали за считанные часы. Иные жертвы мучились по неделям.

Другой раз, уже захваченную и верную свою добычу, чума отпускала даже пройтись погулять. С тем, чтобы после с ещё большей неистовостью пригвоздить обратно к одру, где и довершить своё насилие над естеством жизни. Не было не одно, кто вышел бы из-под очаровательного и отталкивающе-обаятельного взгляда смерти. Своей холодной рукой она вырывала младенцев из материнских объятий. Смерть разделяла мужей и жён. Смерть оставляла вдов, безнадёжно рыдавших над окоченевшими трупами своих мужей. Смерть, в пол-оборота, мимоходом, забирала к себе матерей и отцов, оставляя на обочине больших дорог голодных сирот. Чума ещё с каким-то адским изуверством и издёвкой умудрялась дифференцировала свои силы, забирая одних и милуя других. И делала это до того половинчато-грубо, что тем только усиливал свою власть над градом.

Редкий, пугливый, онемевшей и шальной прохожий появлялся на улицы, и тут же пропадал. Да и не прохожий во всем – призрак. Завтра не будет и его. Чёрный жребий краснеться и тебя.

С чумой справлялись, как могли. А точнее не справлялись совсем. Только трупы, по возможности, собирали в одном месте. После сжигали. Черным смрадом поднимались клубы дыма от погребальных костров. От этого становилось ещё более невыносимо и жутко. Не хоронили – сжигали.

В могилы сходили семьями, домами, кварталами, улицами и городами. Уже не оставалось никого, кто бы мог проводит в последний путь такую ораву покойников. Вот они и лежат бес толку, ненужно и глупо. Гниют окоченевшие уродцы, воспевая нестерпимым смрадом своего же мучителя. И эти трупы, брошенные за ненадобностью, уже начинали потихоньку примерзать друг к другу. Они будто искали согреться от бывшего своего товарища, по несчастью. Пытаются восполнить всё то, что было упущено при жизни.

Смерть давала бал – последний, беспощадный, бескомпромиссный и не жалеющий никого в этом мире. Этот праздник смерти можно было даже назвать великим. Но где ж тут величие?! Уродливая пустота рыскала, как голодный зверь, над горами так быстро чернеющих трупов, пытаясь хоть чем-то ещё поживиться. Но нещадно выла, ибо уже не было чем набить свою бездонную утробу. Бездны развернулись над градом. Он умер.

Всё сдвинулось со своих мест, со своих орбит на сегодняшний день. Живые делали для себя, что могли и умели. Кто-то со страху бежал. Кто-то со страху безобразничал. Кто-то со страху хихикал. И я не рушусь сказать, что из этого всего было более трусливо, более уродливо и более жалко. И то, и другое, и третье было одинаково неприятно. Я бы сказал даже омерзительно, кабы все они небыли такие же люди, как и мы. Живые

люди! Что ж искать виноватых?! Каждый спасался, как мог. Да вот беда – не знал, как.

Монаху уже приходилось видеть зачумлённые города. Зрелище привычное, но оттого ещё селение, поражавшее своей унылость и пустотой. Всё, как никогда прежде, напоминало царство неизбежности. И, вместе с тем, монах начал осознавать, со всей своей ясностью, нарастающею удалённость. Всё и все становились теперь чужие. Чужим всё было и раньше, но не столь очевидно и осознано. Холод начинал сковывать сердце.

Таким он увидел этот мёртвый город.

Монах, едва прощупывая дорогу, пошёл по улицам и кварталам города смерти. Путник прошёл мимо лачуг бедняков, которые скопом теснились на окраине города. Прошёл мимо торговых рядов. Торговать было запрещено, да и не кому было. Затем чернец вышел на главную улицу. Главная улица смыкалась и шла параллельно торговым рядам. По главной улице можно было выйти прямо на центральную площадь. На главной площади возвышалась большая громада недостроенного готического собора. Нижний портал собора был выполнен ещё в романском стиле, два верхних портала устремлялись ввысь готическими арками. В середине, над центральным входом в собор, размещалась большое, витражное окно-роза. Почти красиво… Из собора слышался одинокий орган.

Кто-то на этом празднике смерти ещё на что-то надеялся. Кто-то на этом празднике смерти ещё молился. Музыка едва долетала из собора, монах быстро узнал, что это была за музыка. Служили мессу.

– Служат – тихо, в полголоса, очень привычно прошептал монах. Но месса его теперь не занимала. Монах не мог не отметить, что орган музыкально дополнял разверзнувшуюся перед глазами картины мора. Орган стих, наступила тишина, которая неприятно давила на уши. Чернецу стало совсем не по себе. В первый раз, за много-много лет чётки в его руках остановились. Он оторвался от своей молитвы и застыл. На него нашло оцепенение. Он едва дышал в торжественном, как ему показалось, смраде вселенной.

Выдвигалась, вытягивающая своей пустотой, мертвенная тишина.

Вдруг эту тишину взрезал омерзительный и ненужный смех. Идиотский, громкий, противный, визгливый, блюющий, харкающий и презирающий всё и всех смех. Смех, который сбивался на хохот, с оттенками остервененья и мелкой издёвок. Смех, который не смеялся, но боялся, жался, щетинился, лебезил и только ждал удобного момента для нападения, по привычки, со спины. Какая уж там сила, если месть? Но, согласитесь, от того ведь ещё большая месть. Нервная дрожь пронзила монаха.

Монах дёрнулся и обернулся. На другой стороне площади стоял почти голое существо, чем-то напоминавшее человека. Костлявый весь, мелкий, худой до последней возможности, лысый, синеватый от холода и с ужасными глазами бешеного остервенения и неудовлетворённой злобы. Глаза были безумные, гуляющие, на выкате, страшные, бес смысла глядящие вперёд себя. Пустота была в тех глазах. Безумец, пританцовывая, некрасиво и уродливо вытянул руку вперёд и, что ли оправдываясь, очень рвано цитируя, громко с омерзением выплюнул:

– Увидел я коня бледного и всадника на нем, имя которому – смерть. И ад следовал за ним.

Монах оглянулся туда, куда указал безумец. Из переулка действительно выскочила лошадь. Худая до кости, не белой, и даже не бледной масти, а прозрачно-мертвенная, серовато-тусклая, зеленовато-гнойная и сквозная, как отходящий в небытие этот вот ноябрь. Стуча тяжёлыми, мёрзлыми и неживыми копытами, трясясь мелкой, холодной и жуткой дрожью, шарахаясь в разные стороны от трупов, животное проскакало влево, вправо, в сторону и в бок, тем краем и исчезло совсем неизвестным проулком. Животное, своими отяжелелыми и острыми копытами, оставляло по себе равные раны, на взмокшей чуть мёрзлой земле. И кто теперь уврачует эти раны? И не было в той лошади никакого величие, как думалось. Но

был продуваемый страх одиночества, неразрешённости и нетварности. Страх доходящий до злобы. И долой!

Чернец снова обернулся в сторону безумца, но его уже не было. Уродец провалился, как проваливалось всё в этом городе.

– Ад следовал за ним… – шёпотом повторил монах окончание знакомой ему фразы. После медленно, с глухой, тягучей, пронзающей до основания ненавистью он сжал в руках чётки. Грязным, нестриженым ногтем большого пальца правой руки чернец натужно упёрся в нитку, на который висели чётки. Он с силой стал перетирать нить ногтем. Заразясь импульсом идиотического смеха того безумца, монах неистово тёр нить в руках и исступлённо повторял много-много раз: «Ад следовал за ним!» Нить чуть треснула, надорвалась, и наконец, лопнула. Чётки просыпались на землю. Чернец поднял налитые кровавой ненавистью глаза и тут же наткнулся на недостроенную громаду готического собора. Судорога пробежала по его лицу. Монах поднял кулак и стал грозить, кому-то по воздуху. В довершение своего безумного жеста ненависти, он швырнул те немногие костяшки, которые ещё основались в его руке в сторону собора.

– Вот! Видел! – крикнул монах негромко, но, сколько мог, сильно и с вызовом. Потом поднял с земли комок грязи и зашвырнул туда же по направлению к церкви. Недолетало. Но и попытка была.

– Вот! Вот! Вот! – монах кричал навзрыд, и швырялся комьями грязи. Крик был отчаянным и пронизывающий, высший степени адресным. И покудова чернец швырял комья грязи, он краем глаза всё, как будто видел в разных сторонах площади, тени того визгливого, пляшущего и уродливого смеха.

После, растеряв равновесия, чернец, поскользнулся, но смог сгруппироваться и упасть на колени, без вреда для себя. Истощённый дорогой, голодом, увиденным царством смерти и необъяснимым приступом ярости, он застыл в полном изнеможенье. Монах уже не мог знать сколько он простоял в таком положение. Время для него начало потихоньку останавливаться. Монах упорно и глухо цепенел. Вдруг к чернецу кто-то прикоснулся. Он так же, как и при виде безумца, сильно-пронзительно до нутра вздрогнул и оглянулся.

– Не бойся, дядя – окликнуло его малое дитя, которое дёргало его своей не решительной ручкой.

Дитя было совсем крохой, года три по возрасту, никак не более. Ребёнок был одет совсем уже бедно, в рванье и измученные лохмотья, и уж конечно не по сезону. Он явно мёрз. Холод тронул и эту кроху. Но кто теперь не мёрзнет? На ногах были стоптанные и рваные ботинки. Остальная одежда – скверная и откровенная рвань. В больших глазах ребёнка было что-то доброе, по-детски наивное, и даже вселяющие надежду. Но, вместе с тем, удивительно мудрое и даже серьёзное. Была в этом взгляде

просьба, умоляющие просьба о жизни. «Живите же!!» – говорил его взгляд. Неужели он один в этом селение, в этом мире не знал это тлетворное царство? Эту вечную хозяйку жизни – смерть?

– Дядя – повторил ребёнок – это тебе...

Дитятя протянула монаху бедную, маленькую, выращенную на земле луковицу. Повернулся и хотел уже идти.

– Зачем?.. – спросил чернец, не очень понимая, кто пред ним находиться и что может значить сие подаяние.

– Мама, сказала отдать – ответил ребёнок, ссылаясь на взрослого, просто, спокойно и привычно, и указал в сторону. В стороне стояла мать малютки. Мать была так же одета не по сезону, в какую-то невероятную рвань. На ногах всё те же стоптанные ботинки на голове чепец, в руках уже на половину пустая корзина с овощами. И глаза! Кроткие, напоённые добротой и нездешней красотой, невиданных миров. Глаза, да и вся фигура женщины, говорили об обратном, не о том, что твориться теперь, вокруг. Так, как будто и не было этого города трупов, грязи, смрада, гниения и разложения. Глаза этой доброй женщины были выше и сильнее всей этой вакханалии смерти. Таких глаз монах ещё не встречал за всю свою жизнь. Разве что в далёком детстве. В детстве, которое скрылось в житейской суете, ушло, за памятовалось, вероятно, случайно, по незнанию, между дел. Глаза

матери. Дитя, меж тем, отдав луковицу, побежал обратно и спряталась в матереной юбке, как в крепости надёжной и нерушимой. Обретя такую невиданную защиту ребёнок звонко хихикнул.

Они ещё постояли в полном молчание около минуты и пошли дорогою своею и прямою. Дева с младенцем пошли, босыми стопами касаясь, во всём промозглой, земли; не касаясь земли.

«И Она была рождена Землёй» – подумал монах утвердительно.

Они прошли. Чернец, как ошеломлённый, так и остался стоять на коленях долго глядя в ту сторону, в которой они шли. Начал лететь робкий, первый, ещё не решительный, снег надвигающейся, грядущей чистой зимы.

Монах сжал луковицу в своих руках и прижал её к груди, как величайшую святыню своей жизни. Как будто невиданную им доселе. Святыню милосердия, святыню сострадания, святыню добра и прощения. В таком-то ужасе распадающегося ада. А снег, между тем, всё шёл, шёл, усиливаясь поминутно. Чернец ещё раз оглянулся окрест себя, но всё уже было иное. Город стихал, город светлел, город полнился. Инок уже никуда не мог сдвинуться с места. Он только стоял и тихо плакал, прижимая луковицу к груди, боясь только одного – как бы не обронить. Он стоял, как изваянье устремляясь мысли ввысь. Он уже

пришёл и идти ему было некуда, да и не зачем. Он стал константа. Полностью осознав и вдохнув финал, инок благословив безмолвно сокровище, которое он держал в руках, а через него и весь мир, всю жизнь целиком и поминутно. Страх прошёл. Он был укреплён в своих надеждах. И вот человек тихонько покачнулся и упал.

Метель крыла белом сваном чёрную и взмокшую от слез Землю. Снегопады сокроют всё, ничего не останется. Зима грядёт! Она успокоит всех. Всё сравняться под снежными сугробами. И млад, и стар, и богач, и бедняк, все станут в один ряд равных. Наметёт, скуёт во льды, всё сровняет, всё уладит. И не будет нечего. Только снег, и блеск ясного света над снегом.

А далее, сказывают, будет весна. Как знать.

Содержание:

СТИХИ

Светлана Дерягина 3

Сон 3
Прости 4
Любовь… 5
Разреши 6
Ночная гроза 7

Людмила Мазурик 8

Не сказанное 8
Вдыхай меня... 9
На асфальте пророс цветок 10
Проснись и смотри!!! 10
Брату 11
Моя осень 12
Так ветер ласкает кожу 12

Юлия Васильева 13

Волны 13
А ведь сами мы виноватые 14
А неважно – как тебя зовут 15
И вечер особенно синий 16
Улыбка 17

Лариса Носенко 18

Разлив 18
Вербное воскресенье 19
Все бывает в этой жизни – встречи, расставания 20
Россия ненаглядная 21
Бегемоты 22

Максим Колесников 23

Револьвер 23
Память 24
Праведник 25
Дай мне, милая, в руки огонь... 26
Утренний Тель-Авив 27

Анна Курова 28

Белая комната. Белые стены 28
Чаепитие 29
В поезде 31
По прочтении Гюго 32

Екатерина Семенова 33

Маленький принц 33
Воскреснем? погибнем? умрём? 34
Рыжее солнце 35
Строка рождается за следующей строкой 36
Строй 36
Осень 37

Ирина Вишневская 38

Мы – дети восьмидесятых 38
Разреши мне тебя любить 39
Осень скоро, осина роняет листву 40
Был холодный весенний день 41
Ненависть 42

Ирина Питеркова 43

Искривление пространства 43
Небо сегодня крылато 43
Мы с тобой обречены 44
Богу сказав: Спасибо! 44
На ладони беспечно и вечно 45
Вольто 45
Мир читая с одной страницы 45
Лань. Восход солнца на восток 46
Тише шеста ресниц 46
Детям моим быть 47
Люди, которым хочется Жить 47
Тихий шелест вереска 48
Мы с тобой прорвались к небу 49
На востоке ночи 49

Мария Краснова 50

31-я весна 50
Банальности 51
Стихи – как бегство 52
Про счастье 53
Тебе 54

Юлия Дубинкина 55

Маленький Пилот 55
Великая Победа 57
Целина* 58

Наталья Шиманович 60

Бабье лето 60
Осенняя грустинка 61
Тишины хочу 62
Мой березовый край 63
Ночь, улица, фонарь, речушка 64
Одиночества даль... 65

Фёдор Круглов 66

Песни ветра, силуэты 66
Незримый Бог 66
Луна томно мается на качелях 67
Прощальная взлётная полоса 67
Вьюга пляшет на столе 68
Корвет «Куринцев» на границе 68
Я помню тот сон 69
Жизнь ключом ушла сквозь пальцы 69
Дьявол любит букву я 70
Пел уныло Батарея 70

Оксана Ландаренко 71

Не молчи 71
Маме 72
Не мой 73
Птица железная 74

Максим Орлов 75

Чародей и ведьма 75
Отвар в дорогу 79
Встреча для двоих не вместе 80
Настроение сестры 81

Злата Ра 83

Цоколь 83
Падали 84
Седьмой континент 85
Слово 85
Кожаные куклы 86
События 87

Людмила Сильдам 88

Я – русская 88
Средневековая зима 89
Разбита ночь 90
Чаепитие 91
Колесо фортуны 92

ПРОЗА

Каринэ Шахбазова 93

Online 93

Полина Кипрушёва 103

Сказки Посудного Королевства 103
Небесная гостья 105

Ирина Савченкова 108

Твои крылья 108
Утренне – манно – ясельное 111

Иван Князев 113

Очерки о Средневековье 113

Литературно–художественное издание

Авторы XXI века

Стихи и проза

Издательский проект ЛитКульта 2019

Составитель сборника: Эдуард Малыкин

Вёрстка и дизайн: Яна Малыкина

Редакторы сборника: Дмитрий Волгин
Оксана Смирнова

Знак информационной продукции
(Федеральный закон № 436–ФЗ от 29.12.2010 г.): 16+

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателей запрещается

ISBN: 978-5-0050-0137-5

Литературный портал «ЛитКульт» создан для людей, которым небезразличны современная литература и культура. Этот сайт является площадкой для публикации работ опытных и начинающих авторов, а также предоставляет возможность читателю выразить своё мнение о произведении в комментариях или в критической статье.
Проект открыт для литераторов из разных регионов и стран, владеющих русским языком.

Цель сайта – объединить людей, творящих литературу нового поколения, и тех, кто хочет её читать и обсуждать, а также интересующихся музыкой, кино и другими искусствами.

http://litcult.ru – публикуйтесь у нас, будьте нашими авторами и участвуйте в лучших литературных конкурсах Рунета.